

ВАРАКСИН БОРИС

От древних греков до наших дней

Борис Юрьевич Вараксин

От древних греков

до наших дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187430

ISBN 9785449064196

Аннотация

В этой книжке мы совершим путешествие во времени. Путь предстоит неблизкий, а местами и опасный. Мы познакомимся с богами и героями, дикими зверями и волшебниками, побываем в кровавых битвах и насладимся шедеврами архитектуры. В нелёгких испытаниях нас будут сопровождать прекраснейшие из женщин и могущественнейшие из мужчин, каскадёры и музыканты, пенсионеры и разведчики. Будут и бандиты! Так что скучать не придётся. Не будем же мешкать, откроем первую страницу и...

Содержание

Древнегреческая мифология, новое прочтение	5
Геракл и Эврит	5
Геракл и Лаомедонт	11
Приключения Персея	17
Парис и Елена	24
Похищение Европы	30
Похищение Персефоны	38
Нить Ариадны	44
Тесей и Пейрифой	51
Похищение Золотого руна	57
Калидонская охота	74
Ксут и Креуса	78
Эрисихтон	86
Эак	92
Данаиды	96
Одиссей	101
Конец ознакомительного фрагмента.	109

От древних греков до наших дней

Борис Вараксин

Моя глубокая признательность Николаю Альбертовичу Куну, чьё изложение древних легенд послужило мне ориентиром при написании данной книжки.

© Борис Вараксин, 2018

ISBN 978-5-4490-6419-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Древнегреческая мифология, новое прочтение

Геракл и Эврит

Вот и окончена служба у Эврисфея. Двенадцать подвигов позади. И ведь не было бы их, если б Гере, жене Зевса, очень не понравилось, что её благоверный повёлся на чары смертной женщины Алкмены и сотворил ей сына. Причём сделал это в отсутствии её законного супруга, Амфитриона, приняв на какое-то время его облик. Но разве подобное позволительно тучегонителю и молниеметателю: вот так, тайком, прикинувшись смертным, заниматься повышением деторождаемости населения? А тут и сам Амфитрион пожаловал, и тоже не остался в стороне. В результате на свет явились братья-близнецы: Эврисфей (как плод законного супружества) и Геракл (как незаконного). И, зная коварство женщин, подобных Гере, нетрудно догадаться: она подстроила так, что именно Геракл оказался в подчинении у Эврисфея, а не наоборот, как того желал Зевс. И единственное, что удалось выторговать громовержцу у несговорчивой супруги – подчинение любимого сына не продлится вечность. Совершит двенадцать подвигов – и свободен! На том и порешили.

Геракл честно выполнил всё, что от него требовалось, и отправился куда глаза глядят. При этом его, как и прежде, тянуло на приключения. Далеко ходить за ними не пришлось: буквально на соседнем острове открылась вакансия супруга прекрасной дочери местного царя Эврита. Но соискателей руки Иолы (так звали дочь) ждало серьёзное испытание: состязание с Эвритом в стрельбе из лука, в которой ему не было равных. Стоит ли говорить, что, кроме Геракла, с заданием не справился никто. И каково же было удивление великого героя, когда вместо заслуженной награды его принялись всячески оскорблять и издеваться над ним. Мол, герою, прислуживавшему такому ничтожеству, как Эврисфей, среди приличных людей не место. Не будет ему никакой дочери!

Подобное отношение было обидно до крайности. Но ничего не поделаешь: Эврит был прав. Репутация Геракла долгой работой на Эврисфея была подмочена. Гера могла торжествовать.

Герой собрал манатки и покинул негостеприимную Ойхалию. Но осадок остался. При случае Геракл припомнит, как с ним поступили.

Забыть о своём неблагоприятном поступке Эвриту никак не удавалось. Изгнать героя, одержавшего великолепную победу и ничего за это не получившего... Нехорошо вышло,

некрасиво. Нужны оправдания. И когда у царя похитили стадо, Эврит возликовал: вот она, причина его негативного отношения к соискателю руки его дочери. Он же вор! Гнать таких надо, чтоб и духу их не было!

Почему он подумал именно на Геракла, остаётся только догадываться.

Однако, кое-кому подобная версия показалась сомнительной. А сын Эврита, Ифит, так прямо и сказал:

– Отец, не мути воду! Гераклу твои стада без надобности. Он без приза остался, причём исключительно по твоей милости. Ты же ему дочь обещал! Красть после этого коров мелко и унижительно. Прежде всего – для тебя самого. Ведь тогда получается, что ты дочь свою готов отдать кому угодно, любому ничтожеству, лишь бы из лука стрелял хорошо. Возможно, Иоле именно такой супруг и нужен, но мне это не нравится. Выдели мне мою долю наследства и продолжай устраивать состязания...

Эврит не захотел внимать доводам старшего сына и тот с досады отправился на поиски стада сам. Долго блуждал, пока не пришёл в Тиринф – город, в котором остановился Геракл. И тут случилось несчастье. Нет, великий герой встретил его радушно. Они с Ифитом вообще были чуть ли не друзьями. Но в момент совместной прогулки по крепостным стенам на Геракла напал беспричинный гнев и он, находясь в состоянии аффекта, сбросил Ифита вниз, на камни. И юноша погиб.

Без вмешательства Геры здесь явно не обошлось. Ненавидела она Геракла. Что несколько странно: перечень сыновей и дочерей Зевса бесконечен и почему Геракл оказался крайним – непонятно.

Снова великий герой оказался кругом виноватым. От осознания своей неправоты очень страдал, даже заболел, да так, что чуть концы не отдал. Надо было что-то срочно предпринимать и он отправился в Дельфы. Там-то пифия ему и сообщила:

– Хочешь получить прощение за содеянное? Выход один: продаться в рабство сроком на три года, а вырученные деньги отдать Эвриту. В качестве компенсации за смерть сына. Пожалуй, пока всё...

Геракл сделал, как сказали: нашёл на себя покупателя, договорился о цене. Деньги дали неплохие, вот только Эврит от них отказался. Из гордости. Предпочёл остаться Гераклу врагом.

Что сделал великий герой с суммой, вырученной от продажи самого себя, история умалчивает. Отдавать её было некому. Разве что оставить себе. Но тогда Геракл просто перешёл на работу по найму, что рабством не является. Однако, не вникать же в такие тонкости. Лучше с энтузиазмом взяться за дело.

Его обладателем оказалась лидийская царица Омфала. Ох, и досталось же ему от неё! Чего только она с ним не делала! И в женское платье одевала, и заставляла прясть пряжу

наравне со служанками, и наряжалась в его львиную шкуру, и таскала на своём хрупком плече его здоровенную палицу! Как великий герой снёс все эти издевательства – уму непостижимо! Но... стерпел. И был прощён. Полностью.

Всё когда-нибудь кончается. Закончилось и пребывание героя у лидийской царицы. С лёгким сердцем покинул он её пенаты. Что по этому поводу думала Омфала – неизвестно. Скорей всего, сожалела. В сущности, парой они были неплохой! Ну, мучила она его. Но ведь не до смерти же. И чего-либо существенного тоже не случилось. Ну, там, перелома какого-нибудь или членовредительства. Так что Гераклу обижаться было не на что. Он и не обижался.

Франсуа Буше. «Геракл и Омфала». 1731—1734 гг.
ГМИИ им. А.С.Пушкина, Москва.

Геракл и Лаомедонт

Кто построил Трою? Царь Лаомедонт. И сделал он это с благословения самого Зевса. И это ещё не всё. В помощники царю при возведении крепостных стен были определены два бога: Посейдон и Аполлон. Так распорядился их шеф – всё тот же Зевс. И стены были построены.

Казалось бы, дело сделано – боги могут быть свободны. Однако, вместо того, чтобы тихо разойтись по домам, высокостатусные помощники потребовали от Лаомедонта расплаты. За что? За оказанную помощь. Да, они выполняли поручение, данное им молниеметателем. И что с того? Они ведь могли так поучаствовать в процессе, что на месте Трои и камня бы не осталось. А так, вроде, всё стоит, не падает. Короче: лучше тебе, Лаомедонт, не выпендриваться. Сделай, как надо! Ну, типа, по понятиям. Иначе – сам понимаешь...

Однако, не на того напали: Лаомедонт вместо того, чтобы припасть к ногам своих благодетелей и униженно просить их о снисхождении (в смысле снижения взноса на божественные нужды), пригрозил отрезать им уши. Что олимпийцев не только не обрадовало, но и задело за живое. Угроза смертного была признана неприемлемой и нарушителя традиционного метода хозяйствования решили наказать по всей строгости неписанных законов, регулирующих сферу капитального строительства при крепостном стенопроизводстве.

Лаомедонту было несдобровать.

Для начала Аполлон подверг регион, подконтрольный проштрафившемуся правителю, опустошительной эпидемии неизвестного происхождения. Бедствие превзошло самые пессимистические ожидания. И продолжался мор до тех пор, пока и последнему бродяге не стало ясно: справиться своими силами не удастся. Скорей всего, вымрут все. Лишь тогда гордый царь запросил у богов пощады. Даже выразил желание удовлетворить их требования. Только вот чем?

Ему подсказали: любимой дочерью. Да-да, той самой Гесионой, что прекрасней утренней зари. А на вопрос: «Может, устроит что-нибудь другое?» – ответили:

– Нет, брат, другого нам не надо. Ты что-то про уши говорил? Нагрубил, да? Вот и расхлёбывай! У тебя в услужении скоро вообще никого не останется. Все перемерут. И кто тогда будет охранять возведённые стены? Пенфей из Киферона? Ему это без надобности. Так что не капризничай, а привяжи свою дочь к скале на морском берегу и ступай домой. О дальнейшем Посейдон позаботится. У него есть, кого послать к ней на свидание. Последнем для неё, кстати...

Что оставалось делать несчастному отцу? Только подчиниться. Сделал, как сказали, и в расстроенных чувствах вернулся во дворец. А Посейдон приступил к подбору соответствующей кандидатуры для исполнения воспитательной миссии. И нашёл: одно чудовище было особенно смрадным и мерзким. Его-то он и отправил на встречу с беспомощной

жертвой.

И надо же было такому случиться: именно в этот момент в Трою прибыло судно с Гераклом со товарищи на борту. Они возвращались в Грецию из страны амазонок и были крайне удивлены зрелищем на берегу: прелестная особа в тяжких оковах ожидает свирепого монстра, который прибудет с минуты на минуту с единственной целью – съесть её заживо. Несколько озадаченный такими порядками, Геракл поспешил в царский дворец и предложил убитому горем отцу сделку: он спасает его дочь, а за это Лаомедонт отдаёт ему трёх коней, полученных от Зевса в качестве компенсации за ранее похищенного сына.

История с конями уже тогда была известна всей Греции. В один прекрасный день орёл (поговаривают, то был сам Зевс) унёс сына Лаомедонта, Ганимеда, на Олимп. А через какое-то время несчастный отец стал обладателем трёх фантастически прекрасных коней. Эти факты были немедленно увязаны один с другим, тем более, что никаких претензий к тучегонителю после этого не возникало.

Но почему Зевс заинтересовался прекрасным юношей? Неужто ему захотелось чего-нибудь остренького, запретного, нетрадиционного?

Скользкая тема. Но если исходить из того, что у богов многое, как у людей, то, помимо обычных отношений, в их среде возможно и такое. И тогда случившееся с Ганимедом не должно нас удивлять.

Но наш рассказ не об этом, а о конях, за которыми пришёл Геракл после освобождения им прелестной Гесионы, для чего ему пришлось изрядно потрудиться в схватке со свирепой рептилией. И что же он услышал?

– Кони? Какие кони? Ты это о чём? Нет, дружище, коней мы оставим в сторону. Давай-ка лучше обсудим дальнейшую судьбу моей дочери. Спасённой тобой, между прочим. Она ведь всем хороша? Ну, так не взять ли тебе её в жёны? Персей в своё время в аналогичной ситуации так и поступил и был по-настоящему счастлив. Меня такой поворот устроил бы. А тебя?

– Нет, Лаомедонт, не пойдёт. Персей изначально настаивал на женитьбе. Видно, его только это и интересовало. Мы же с тобой договаривались о конях, о трёх замечательных экземплярах, ниспосланных самим Зевсом. Я рассчитывал на них, строил планы... Дочь твоя, в общем-то, ничего, в смысле – довольно симпатичная, но я по другой части. Во мне ж здоровья на кавалерийский полк!

Лаомедонт смерил великого героя взглядом. Да-а-а, тут не забалуешь...

– Так значит, ты предпочитаешь животных? Моя дочь тебя не устраивает? Да ты просто скотина после этого! Это ты её не устраиваешь! Что ты можешь? Дубьём махать? Мою дочь удовлетворить – не зверя одолеть. Ещё никому не удалось! И тебе не удастся! Проваливай, пока цел!

– А... кони?

– Не будет тебе никаких коней! Они моей дочери пригодятся...

Обескураженный решительным отказом, Геракл уныло поплёлся на пристань, где его с нетерпением дожидались товарищи. Разочарованию их не было предела: Лаомедонт поступил как настоящая свинья, оставив дружный коллектив без награды.

Судно отошло от причала и взяло курс в открытое море. На этот раз Троя устояла, но Геракл ещё припомнит ей своё унижение.

«Геракл отдыхающий». Мраморная римская копия III века н.э. с бронзового оригинала Лисиппа (IV век до н.э.). Национальный археологический музей в Неаполе.

Приключения Персея

Персею сызмальства не везло. Зачат он был в глубоком подземелье, втайне от родного дедушки. Почему так? Дедушка не хотел никакого внука, потому что, согласно предсказанию оракула, тот мог появиться на свет с единственной целью – отправить престарелого родственника в царство теней. Однако, суровые меры предосторожности не сработали и дочка помешанного на своей безопасности родителя забеременела. И от кого! От самого Зевса! Акрисий (так звали дедушку) сперва не поверил, а когда понял, что это именно так, поместил младенца с матерью в большой деревянный ящик и в заколоченном виде отправил в путешествие по бурным водам Средиземноморья. Не мог же он поднять руку на собственного внука, к тому же – сына всемогущего Зевса!

Однако, плавание закончилось не так, как на то рассчитывал хитроумный дедушка. И вместо того, чтобы отправиться на прокорм рыбам, Персей с Данаей оказались на одном из бесчисленных островов Эгейского архипелага, где были представлены местному царю Полидекту и получили высочайшее дозволение остаться.

Невзлюбила Даная Полидекта. Почему? Трудно сказать. Женщины порой так непредсказуемы... Но что в такой ситуации делать отвергнутому царю? Конечно же, взять упрямицу силой.

Однако, случилось непредвиденное: подросший к тому времени Персей заступился за свою мать и вынудил всесильного владыку отказаться от своих намерений. Чего мстительный руководитель островного государства, конечно же, простить не мог. Он и не простил, отправив Персея за головой горгоны Медузы, выразив при этом сомнение в родстве юноши с главным греческим олимпийцем. Чем только укрепил решимость того совершить подвиг.

Здесь требуется небольшое пояснение. Дело в том, что божественная наследственность Персея всё время толкала его на что-нибудь героическое. И это при том, что родитель не принял никакого участия в воспитании сына, забыв о его существовании сразу после сотворения. Но он всегда так делал! Функция у него была такая – производительная. А при том количестве детей, что было у громовержца, на всех его попросту не хватило бы. Вот он и переложил все заботы о подрастающем поколении на плечи матери. Та со своей задачей справилась и теперь Персей возмечтал о чём-нибудь выдающемся. Предложение Полидекта пришлось как нельзя кстати.

Горгону Персей искал долго и упорно, преодолевая все трудности, встающие на его пути. Было известно: Медуза коварна и опасна. Только настоящий герой способен справиться с такой мразью. Но если бы Персей отступил, предоставив горгоне возможность и дальше глумиться над здравым смыслом своей чешуйчатой кожей и клубком ядовитых змей

на голове, то его родство с Зевсом оказалось бы под вопросом. Что само по себе недопустимо.

Персей не оплошал и с помощью нехитрых приспособлений (летающие сандалии, шлем-невидимка, щит «от Афины» и меч «от Гермеса») прикончил-таки отвратительное существо. Причём сделал это в тот момент, когда гадина самым нахальным образом нежилась на солнышке и даже не соизволила открыть глаз при приближении противника.

Голова Медузы, обладателем которой он стал, ему ещё пригодится. Та обладала весьма полезным свойством: её взгляд приводил к мгновенному окаменению всего живого, попавшего в поле её зрения. Так что наш герой стал, в общем-то, непобедим. И хорошо, что этим своим оружием Персей собирался воспользоваться лишь в случае исключительном, когда его гибель станет практически неизбежной.

Но пока такая ситуация не наступила и наш герой в поисках чего-нибудь интересного летит по небу на легкокрылом Пегасе, высвобожденным из гиблого чрева издыхающей Медузы.

Но вот, кажется, что-то наметилось... В лице плачущей девушки на морском берегу.

Картина, открывшаяся взору доблестного наездника, была ужасна. В нежную кожу прелестной незнакомки впились тяжёлые оковы, волосы растрепал солёный ветер, а на обнажённую грудь упали несколько капель воды. Что случилось? Оказывается, с минуты на минуту ожидается прибытие мор-

ского чудовища с единственной целью – съесть красавицу.

Выяснилось, что свирепое существо устроило форменный террор населению острова и очередь дошла до царской дочери. За что такие напасти? А не болтай! Жена тамошнего царя, Кассиопея, не нашла ничего лучшего, как во всеулышание заявить, что она прекрасней всех на свете. Кто ж такое выдержит? Нимфы и взбеленились, заставили Посейдона натравить на жителей дикое животное. И пришлось ради успокоения безжалостного монстра жертвовать самым дорогим, что было у царской четы – дочерью Андромедой. Чего не сделаешь ради спокойствия и процветания подданных...

На принятие решения у Персея ушло несколько минут. Нет, девушка ему сразу приглянулась, но надо было кое-что прояснить. В частности, какова будет судьба красавицы после её освобождения. Не хотелось, чтобы его труды пропали даром. Вот ежели родители согласятся выдать её замуж... За него...

Те сразу согласились и Персей приступил к делу. Благо, и чудище – вот оно: огромное, мерзкое, плотоядное. Печальная же участь ожидала Андромеду, не случись поблизости столь отважного всадника, мечтающего о героических свершениях.

Битва получилась яростной и кровавой. Персей молнией носился по небу в своих крылатых сандалиях, коршуном падал на морского зверя, наносил разящие удары и снова взмывал под облака. Бушевало море, билась в предсмертных судо-

рогах пронзённая рептилия, замирало от страха сердце красавицы...

Наконец, всё стихло. Андромеда была потрясена отвагой своего спасителя. В добавок ко всему, он был прекрасен, как никто другой. Любовь прихлынула горячей волной и понесла её в страну грёз. Ведь именно о таком суженом она мечтала всю жизнь: сильном, смелом, великодушном, благородном... И в то же время ласковым, нежном, добром, отзывчивом... И всё это она получила в лице своего освободителя! Ради этого стоило рисковать жизнью!

Однако, возникли проблемы, связанные с претензиями бывшего жениха Андромеды, Финея. Тот тоже хотел жениться. Однако, ему было резонно указано на невозможность исполнения его желания по той простой причине, что он палец о палец не ударил ради спасения своей суженой. А когда Финей, не вняв доводам, с группой своих товарищей попытался отнять Андромеду силой, то Персею не оставалось ничего другого, как прибегнуть к мере исключительной: обратить их всех в мраморные статуи.

После долгих скитаний Персей вернулся, наконец, к пославшему его на подвиги Полидекту. Тот продолжал плести интриги вокруг Данаи, вынудив её укрыться в храме Зевса. Туда Полидект сунуться не решался, но добровольное заключение изрядно утомило гордую женщину. Возвращению

сына она была несказанно рада, чего не скажешь о её преследователе, потребовавшем от Персея доказательств выполненного им поручения. Что Персей не без удовольствия и сделал, вытащив на свет голову горгоны Медузы с вращающимися от бешенства глазами и шевелящимися змеями вместо волос. Естественно, Полидекту хватило одного взгляда свирепой хищницы, чтобы превратиться в камень.

Ну, а закончилось всё достаточно предсказуемо: при приближении изрядно возмужавшего внука его дедушка Акрисий (тот самый!) позорно бежал из принадлежащего ему Аргоса. Но бегство не помогло, пророчество оракула сбылось. Как это произошло?

Всем известна любовь древних греков ко всякого рода забавам и играм. Однажды устроил нечто подобное и Персей, причём со своим непосредственным участием. Акрисий никак не мог пропустить спортивное состязание: болельщик был его страстью. Да и кто станет искать беглеца среди многочисленной публики? Однако, на всякий случай престарелый болельщик расположился от ристалища подальше.

Персей метал диск последним. Публика, как зачарованная, следила за полётом тяжёлого снаряда. Тот уверенно набрал высоту, коснулся перистых облаков и пошёл на снижение. Дискбол чудодейственным образом придал плоскому кругляшу удивительную летучесть. В результате бронзовая штукавина спланировала не куда-нибудь, а точнёхонько в лоб зазевавшемуся Акрисию, поразив того насмерть. Веро-

ломный дедушка был-таки отправлен рукой внука в царство теней.

Иоахим Эйтевал. «Персей и Андромеда». 1611г. Лувр, Париж

Парис и Елена

Вдох-выдох... Вдох-выдох... Тридцать раз отжались... Не останавливаться... Двадцать вёрст бегом – и уже тогда передышка... Отдохнули? Взяли по камню – и на вершину... С ускореньцем! Кто придёт последним – останется без ужина...

Обычный день в Спарте, коих бесчисленное множество. Спартанские воины – лучшие в мире: самые отважные, самые выносливые. А какие в Спарте женщины! Тут и сравнивать не с кем. Ни по красоте, ни по уму. Взять хотя бы Елену, дочь спартанского царя Тиндарея. О её красоте до сих пор слагают легенды. Многие хотели бы взять её в жёны, да вот незадача: не хочет она никого, никто ей не мил. Кто-нибудь из спартанцев? Но о чём с ним говорить? О режимах закаливания холодного оружия? О преимуществах сандалий из кожи буйвола перед сандалиями из кожи крокодила в дальнем походе? Нет, ей нужно что-нибудь поинтересней. Её избранник посвятит её в тайны мироздания, познакомит с поэтами и философами, музыкантами и скульпторами, научит предсказывать погоду и урожай. Он будет интеллектуалом – натурой тонкой, отзывчивой, а не солдафоном. Ну и, конечно же, он должен быть красив, как Аполлон, добр и обаятелен, честен и благороден, смел и решителен, великодушен и в меру настойчив. В общем, он должен быть само совершенство.

Нетрудно догадаться: при таком подходе Елену очень скоро выдали замуж без всякого её согласия. Царь-отец так распорядился. Ему нужен был наследник. Однако, вскоре Тиндарей умер и бразды правления перешли к зятю, Менелаяу.

Своего мужа Елена терпеть не могла. А ведь Менелай обладал практически всеми качествами, о которых грезила его прекрасная жена. А уж любил её – дальше некуда... Даже непонятно, в чём причина столь фатального неприятия Еленой своего супруга. Начнёт Менелай говорить о строении Вселенной – её неудержимо тянет в сон; возьмёт в руки кифару – у неё просыпается аппетит и хочется чего-нибудь съесть. Даже то, что на её содержание уходила половина государственного бюджета, не могло изменить её отношение к мужу. Елене было невыносимо грустно, так что у неё были все основания считать себя самой несчастной на свете.

Всё изменилось, когда она увидела того, в ком сразу признала своего суженого. Парис... Из Трои... Прибыл к Менелаяу в гости, будучи наслышан о его красавице-жене... Женат, но это, кажется, не проблема...

В общем, закрутилось-завертелось к вящей радости обоих. Менелай не сразу понял, что происходит, а когда догадался, было уже поздно: пара отбыла в известном направлении – за море, во владения дорогого гостя.

Это было чудовищным оскорблением со стороны человека, в отношении которого были соблюдены все законы гостеприимства. Как он мог? Похитить жену хозяина... Да он про-

сто вор и мошенник! Мысль, что Елена и сама была не прочь покинуть Спарту, в голову не приходила. Нет, её охмурили, соблазнили, после чего насильно увезли на край света. За такое полагается смерть!

Менелай объявил Трое войну. Под его знамёна встали и другие греческие города. Что ими двигало при принятии столь важного решения – непонятно. Эка невидаль: у одного из царей украли жену. С кем не бывает? Впрочем, основания для участия в войне всё-таки были. Эта Троя уже давно мозолила всем глаза своим богатством и независимостью. Пора было с ней разобраться. И когда ещё представится столь отличный случай добыть воинскую славу? Кулаки-то чешутся! Так и хочется дать кому-нибудь в глаз!

В общем, желающих повоевать нашлось немало. Войско вошло на корабли и поплыло к далёким берегам.

Елена и Парис, забыв обо всём на свете, наслаждались любовью. Они были счастливы. Это было лучшее, что подарила им жизнь. И как же здорово, когда кому-то из нас так везёт!

Однако, Менелай на сей счёт был другого мнения. Войска под его командованием достигли пункта назначения и высадились на берег. Осада Трои началась.

Надо отдать должное грекам: они сразу предложили Елене расстаться с Парисом и вернуться к законному мужу. К их большому удивлению, Елена ответила отказом. Казалось бы,

теперь ясно: дело не в Парисе, а в самой Елене. Но не тут-то было. Машина войны уже завертелась и её было не остановить. Не за тем бряцали оружием, чтобы возвращаться домой несолоно хлебавши. И если Елена не хочет по-хорошему – значит, будет по-плохому. Её заставят вернуться силой. Каково мнение самой женщины на сей счёт, никого не интересовало. Что же касается Париса, то он был однозначно неправ и должен был понести наказание.

Пожалуй, то была самая бессмысленная бойня из всех, выпавших на долю человечества. Но почему-то именно она увековечена в сказаниях и легендах. В назидание потомкам?

Осада длилась долго, аж десять лет. Наверно, это рекорд. Чем всё это время питались осаждённые, где брали продукты – неизвестно. Причём они и не думали сдаваться и готовы были сражаться ещё лет десять, а то и больше.

Поняв, что геройством и доблестью ничего не добиться, греки обратились к военной хитрости. Идея радовала новизной. Да, осаждённые были готовы стоять до конца. Но ведь между боями выдавались дни, а то и недели затишья, которые нужно было чем-то заполнить. Досуг – важнейшая составляющая в деле поддержания высокой боеготовности. Вот и надо предложить противнику нечто, способное внести разнообразие в боевые будни, скоротать время между штурмами. То есть грекам лучше не с удручающим упорством громить крепостные стены камнемётами и засыпать защитников смертоносными стрелами, а проявить гибкость,

сделать нестандартный ход. Например, что-нибудь подарить. Троянцы потеряют бдительность и... Откажутся от подарка? Вряд ли. От подарков не отказываются.

История с конём, пожалуй, уникальна по своей простоте и изяществу. Правда, вопрос всё-таки остаётся. Принять дар от смертельно опасного противника... Наверно, такое возможно, но лишь в том случае, если война понарошку.

Итак, троянцы с лёгким сердцем закатили внутрь крепостных стен здоровенную конструкцию, в которой разместилось значительное число осаждающих, и отправились спать.

Результат подобной беспечности (а точнее – уверенности в благородстве противника и его неспособности на подлый поступок) хорошо известен. С Троей было покончено. Раз и навсегда!

Благородство на войне – вещь сомнительная. И уж точно мешающая выполнению поставленной задачи. Греки это, пусть и не сразу, поняли. Поняли и троянцы – те из них, что остались живы. Называть их глупцами язык не поворачивается. Но их наивность дорого им обошлась.

Возможно, здесь и надо искать смысл древней легенды. Однако, нас больше интересует, что стало с влюблёнными, чей роман послужил поводом к агрессии. Парис погиб, Елена же пережила все перипетии многолетней осады. Менелай добился своего – получил жену обратно. Но побивания камнями не случилось – он по-прежнему её любил.

Дальнейшее не слишком интересно: возвращение в Спар-

ту, жизнь в качестве законной супруги... При этом в глазах греков именно Елена оставалась виновницей войны и связанных с ней бед. Что ж, всегда кто-то должен быть во всём виноватым.

После смерти Менелая Елене пришлось бежать на остров Родос, искать убежище там. И оно, по законам гостеприимства, было ей предоставлено. Вот только повелительница Родоса, лишившаяся в троянской войне мужа, эту свою потерю Елене не простила. И вряд ли кто удивился, узнав однажды, что Елену нашли мёртвой.

Ох, греки, всё-то у них вперемешку: благородство и подлость, гостеприимство и коварная месть.

Так закончилась история любви Париса и Елены. История прекрасная, но и весьма поучительная. Елена никому ничего плохого не сделала. Она просто хотела жить, подчиняясь своим чувствам, а не чужим. Оказывается, это возможно не всегда.

Похищение Европы

Бык был большой и ужасно добродушный. И от него так приятно пахло: не то луговыми травами, не то розами и фиалками. Чистый и ухоженный, он производил самое благоприятное впечатление. Откуда он здесь взялся – вопрос. Возможно, просто гулял в данном районе и набрёл на лужайку с девушками, весело проводящими свободное время.

Вокруг жужжали пчёлы. Их привлёк необычный аромат, исходящий от домашнего животного. Подобное амбре более привычно где-нибудь на пасеке, а не вокруг рогатого млекопитающего. Как следствие – полное отсутствие мух и слепней. Им здесь просто нечего было делать. Кстати, подобная деталь могла бы навести на некоторые размышления, но три подружки, в чьё общество затесался огромный бык, не собирались отягощать свои прелестные головки досужими размышлениями о разного рода природных закономерностях и с песнями плели венки из полевых цветов, водили хоровод и вообще чувствовали себя превосходно.

Между тем, девушки не могли не заметить, сколь мягкая и шелковистая у быка шерсть. Так и тянуло её погладить. Одна из красавиц, Европа, не удержалась и провела рукой по вьющимся волосам. Бык с благодарностью посмотрел на неё. Кстати, из всех троих он сразу выделил именно её и всячески давал знать о своей симпатии к ней. Подружки

тоже были хороши, но Европа была просто прелесть.

Между тем, погода была замечательная: яркое солнце, кучевые облака, спокойное море ярко синего цвета. Пейзаж, привычный каждому греку с незапамятных времён. Собственно, наш рассказ и уходит туда, в далёкое прошлое. И, как и сегодня, тогда девушки тоже были не прочь прокатиться на могучей спине покорного им существа. Видимо, бык был хорошо осведомлён об их чаяниях, потому что, сблизившись с наиболее привлекательной из них, мягко прилёг к её ногам, предоставив свой хребет в полное её распоряжение.

Излишне говорить, что Европа не могла пройти мимо столь соблазнительного предложения. К тому же, она немножко утомилась от многочасового гуляния с подружками и короткий отдых был ей необходим. Посидеть на тёплом бычьем боку... Что может быть лучше?

Присела на краешек... Бык едва почувствовал её присутствие и снисходительно обернулся. Весь его вид говорил: дорогая, сядь поудобней! Мне совершенно не в тягость! Располагайся как следует и не думай ни о чём!

Она так и сделала, передвинувшись поближе к могучейшее дружелюбного гиганта и окончательно успокоившись. Подружки захлопали в ладоши, выражая восторг по поводу трогательной сцены и принялись шаловливо осыпать вышеозначенную пару ромашками и васильками. Что во все времена означало только одно: совет да любовь... Если б они знали, как их шутка близка к истине!

Бык полежал немного, после чего, словно вспомнив о чём-то, осторожно встал и медленно побрёл в сторону моря. Проделал он это так плавно, что Европе и в голову не пришло возразить что-либо. Захотелось подержаться за рога лирообразной формы, поуправлять направлением движения. Однако, бык на её потуги никак не отреагировал и она это дело бросила. Зачем напрягаться?

По мере приближения к береговой полосе бык двигался всё быстрее и быстрее и, наконец, побежал. Европу это несколько озадачило. Во-первых, подружки отстали и она осталась с глазу на глаз с животным с не вполне понятными намерениями; во-вторых, бык мог споткнуться и упасть, и тогда Европе не поздоровилось бы. Ну, а в-третьих, бык словно бы и не видел приближающегося морского прибойя и уверенно направлялся к пенящимся бурунам.

Не снижая хода, бык влетел в набегающую волну, подрыгал ногами и... поплыл. Европа оторопела. Это какой-то странный бык! Куда его понесло? Зачем он взял курс в открытое море? Что он задумал? Да и бык ли это? Может, разбойник в бычьей шкуре? Доставит её на корабль, крейсирующий где-нибудь поблизости – и всё! Продадут её в рабство каким-нибудь гипербореям – и поминай, как звали...

– Эй, любезный, ты куда? Поворачивай обратно! Слышь, скотина?

Бык никак не отреагировал на обидную кличку и продолжил путь. Вокруг резвились дельфины, кричали чайки, а мо-

ре перекатывало огромные волны. Европа крикнула ещё что-то для приличия и замолчала, покорившись судьбе. Спина быка стала ей пристанищем и не сказать, чтобы таким уж ненадёжным.

Бык оказался прекрасным пловцом и берег очень скоро скрылся из виду. Не было и корабля с торговцами живым товаром. Вокруг расстилалось бескрайнее море, но умное животное каким-то образом точно узнавало, куда плыть. И ни морские течения, ни боковой ветер не могли сбить его с курса.

А не бог ли этот бык? Посейдон, например... Такое впечатление, что её похититель оказался в родной стихии. Но если так, не пора ли ему превратиться в самого себя?

Ближе к вечеру похолодало, по небу поползли дождевые тучи, ветер усилился, побежали белые барашки. Пора задуматься об укрытии. Однако, кругом по-прежнему расстилалось море, а бык отмерял одну милю за другой. И сколько это будет продолжаться?

Внезапно Европа ощутила: скорость движения резко возросла. С чего бы это? Встревоженно взгляделась в туманную даль и увидела остров, к которому на всех парах мчался её похититель. Что ж, там, по крайней мере, будет где укрыться от непогоды. Тем более, что начал накрапывать дождь и вымокнуть до нитки совсем не хотелось.

Последние несколько миль до острова бык работал, как одержимый. Европа отметила про себя его усердие и раздра-

жение по поводу отсутствия каких-либо объяснений происходящему сошло на нет.

Вот и песчаный пляж, радующий глаз первозданной чистотой. Бык почувствовал почву под ногами, вышел на берег. Европа прыгнула и возмущённо взглянула ему в глаза. Тот с виноватым видом отвернулся.

Вдали виднелась пещера и она поспешила к ней. А бык остался. Разошедшийся дождь поливал присмирившее животное, но Европа и не думала звать его с собой, в укрытие. Ещё чего! Завёз бог знает куда и неизвестно зачем, так пусть теперь мокнет! Скотина...

Но вот просветлело, ветер стих, выглянуло солнце. Всё вокруг преобразилось: запели птички, загудели шмели. Европа выглянула наружу. Море успокоилось, небо очистилось. Словно и не было никакого шторма. А бык где? Куда он подевался? Неужто уплыл обратно? А она так и не выяснила, чего ему было надо от неё...

Прошлась по берегу, поднялась на небольшой холм. Открылась живописная картина неведомого острова: зелёные лужайки, оливковые и апельсиновые рощи, горы, реки... В таком месте и люди должны быть под стать природе – красивые телом и душой. А вот и один из них: белокурый гигант атлетического сложения, спокойный и уверенный в себе. Надо бы его расспросить, что за место. Ну, и познакомиться...
– Мужчина, вы не местный?

Вопрос прозвучал несколько странно и Европа прикуси-

ла язычок. Но человек не смутился... Приветливо улыбнулся... И что-то в его облике показалось знакомым. Внезапная догадка осенила Европу: да это же её похититель! Ну да, он самый! Просто обрёл человеческий облик... А на это способен только бог.

Всё сходится: бог обратился в быка, увёз её на далёкий остров и... И что теперь? Кстати, кто он? Аполлон? А может, сам...

От сделанного предположения перехватило дыхание...

– Да, всё правильно! Перед тобой Зевс-громовержец собственной персоной! Прошу любить и жаловать!

В голосе величайшего из богов сквозила явная симпатия. Европе захотелось прыгать и смеяться от счастья: Зевс, сам Зевс-вседержитель сподобился на внимание к ней! Но что же он сразу не сказал? Ещё там, в Финикии... Разве бы она отказала?

– Хочешь спросить, зачем вся эта канитель с морским путешествием? Наверно, по причине моей природной застенчивости. Все знают меня как тучегонителя и громовержца и в гневе я, действительно, ужасен. Могу и испепелить. Но надо сильно постараться, чтобы вывести меня из себя. Так-то я добрый и великодушный. Можешь не волноваться: ты приглянулась мне ещё там, на полянке. Почему сразу не открылся? При свидетелях как-то неудобно. Пришлось бы обидеть твоих подружек однозначностью своего выбора. Что же касается моря... Мне хотелось себя прове-

ритель: справлюсь ли с суровым испытанием? В мореходных качествах убедиться... Теперь знаю: у меня всё в порядке. А уверенность в себе – важнейшее состояние для любого мужчины. Особенно при свидании с женщиной...

– О-о-о, лучезарный Зевс! Я с самого начала была уверена: всё будет хорошо. И даже когда ты понёс меня бог знает куда (что истинная правда!), я не испытывала чувства безнадёги. Ведь куда-нибудь мы вырулили бы в любом случае. Кстати, а как называется тот дивный клочок суши, на котором мы находимся?

– Остров Крит, дорогая. Здесь мы проведём лучшие мгновенья нашей жизни...

– Мгновенья? После всего случившегося? Нет, милый, мгновений будет маловато. Мы проведём в этом райском местечке много-много лет, нарожаем кучу детишек...

– Хм, а с работой как? На мне же ответственность за всё, происходящее на Земле. Знаешь, сколько вокруг меня креатинов? Упустишь бразды правления – и всё, считай в ауте! Но ладно, не огорчайся. Я всё понимаю. Бросать тебя не намерен. В конце концов, а заместители на что? Пусть поработают. А то привыкли за моей спиной бить баклуши. Вот и посмотрим, кто на что способен.

С этими словами величайший из богов подхватил Европу и словно пушинку отнёс в глубь острова. Там их уже много веков дожидался раскидистый дуб. Здесь всё и случилось. Свидетелей не было и быть не могло. Никто не риск-

нул бы испробовать на себе гнев рассерженного бога. Последствия же того свидания не заставили себя долго ждать и уже вскоре счастливая мать ухаживала за очаровательным первенцем. Потом родился и второй, и третий... Все они выросли достойными людьми. Да и как иначе? Ведь отцом их был сам Зевс.

Валентин Серов. «Похищение Европы». 1910г. Третьяковская галерея.

Похищение Персефоны

Велик Зевс и могуч. Всё ему подвластно. Никакой, даже самый плёвый вопрос не решается без его участия. Но помимо глобального контроля за природными процессами за ним числятся и житейские проблемы, требующие безотлагательного разрешения. Так что если какой вопрос – сразу к нему. Он разберётся.

Число родственников громовержца не поддаётся исчислению. И о каждом нужно позаботиться! Не скажешь же обратившемуся к нему: давай как-нибудь сам! А если это брат, занимающий серьёзное место в божественной иерархии, то и подавно: решать нужно быстро, без проволочек, по-военному: раз-два – и готово!

Вот, скажем, Аид... Должность – о-го-го! Подземное царство не каждому доверяют. А ведь там столько проблем с душами умерших! Каторга, а не работа! А если, вдобавок ко всему, ещё и в семье неурядицы... А если семьи нет... Вот так – нет, и всё! Свихнёшься, пожалуй!

«Нужно срочно создавать семью, и чтоб жена – посимпатичней да помоложе. Например, Персефона, дочь Деметры и Зевса. Очень привлекательная молодая особа. И возраст подходящий, пятнадцать лет... Единственно, к её матери обращаться бесполезно. Она же богиня плодородия, зачем ей усопшие? А вот с Зевсом есть варианты. Брат всё-таки. Мо-

жет и согласиться. У него таких дочерей – пруд пруди. Он и не помнит, кто это такая – Персефона. Да, надо обратиться к Зевсу. За благословением на брак...»

Зевс не сразу понял, чего от него хочет Аид. Чтоб он согласился отдать за него свою дочь Персефону? Ту, у которой мать Деметра? Которая по сельскохозяйственным и природоохранным вопросам?

Зевс помнил какую-то Деметру. Но, честно говоря, ему сейчас было не до неё. На соседний полуостров надвигалось мощнейшее извержение вулкана, сопровождаемое катастрофическим землетрясением и ведомство по оприходованию душ должно было быть во всеоружии: приём, регистрация, размещение. И с руководителем этого ведомства следовало вести себя поаккуратней. А то напишет заявление на увольнение – и что, ему самому торчать на контрольно-пропускном пункте?

– Говоришь, жену себе подыскал? Пора, брат, пора. Тебе годков-то сколько? Гляжу, лысый уже. Со здоровьем-то как? Справишься с супругой? Она ж молодая... Ладно, шучу. Вижу, ты парень хоть куда! Забирай свою благоверную и... Отгулов – три дня, не больше. От сердца отрываю. Обстановка – сам знаешь: того и гляди шарахнет. Так что, брат, не время сейчас. Вот разберёмся с последствиями катастрофы – и тогда отпразднуешь. Меня не приглашай. Я в твою контору ни ногой. Слишком люблю солнце, свежий воздух. Действуй, брат! Держись поуверенней, делай вид, что всё до лампочки.

Женщины это любят...

Окрылённый полученным напутствием, Аид вскочил на золотую колесницу и помчался туда, где обычно гуляла Персефона. Справляться о её мнении (насчёт женитьбы) времени уже не было, поэтому повелитель душ просто схватил юную особу и, не дав ей опомниться, вместе с колесницей провалился в подземное царство. Больше Персефоне не суждено было увидеть ни солнца, ни неба.

Когда до Деметры дошло известие об исчезновении дочери, её горю не было предела. Деревья перестали плодоносить, хлеба – колоситься, травы – всходить. Настали тяжёлые времена. Неурожай следовал за неурожаем, а Деметра застыла в печали и ничего не хотела знать.

Наконец, у Гелиоса удалось выяснить: Персефону похитил Аид. Не зря, видно, колесил тот по небу на своей солнечной повозке. Заметил, как разверзлась земля и поглотила колесницу с мужчиной и девушкой.

Решение, вроде как, напрашивалось само собой: пойти на приём к Зевсу и всё ему рассказать. Только что ответит громовержец? Что дочка уже не маленькая, пора ей привыкать к семейной жизни? Что он в её возрасте уже ни одной юбки не пропускал? Что под землёй сухо и тепло, нет ни зверей диких, ни людей коварных, ни болезней, ни вредителей? Что там вообще самое безопасное место на Земле? И что тут

возразишь?

Поняла Деметра: нужны железные аргументы. Что ж, они будут. Надо только подождать. Не может быть, чтобы их не было.

Деметра покинула Олимп и отправилась на поиски подземного царства. И всё это время природа продолжала загибаться, ибо богиня, ответственная за её процветание, презрела возложенные на неё обязанности. Наконец, зелени не стало вовсе, а люди доедали последние ремешки. Ясно, что при таком раскладе ни о каких жертвоприношениях богам не могло быть и речи. Какое-то время боги терпели это безобразие, но сколько можно? И Зевсу на стол легла докладная записка: так, мол, и так, надо что-то предпринимать.

Тут-то и вспомнил тучегонитель о своём решении касательно дочери богини плодородия. Надо исправлять положение. Но как? У Аида жену не отнимешь, а без этого скоро вообще управлять будет некем. Все перемерут с голоду и самым главным окажется... Аид! Ну уж нет, не бывать тому!

К Аиду полетела депеша. Вернее, полетел Гермес с предложением решить вопрос полюбовно. Аид оказался совсем не упёртым и внял доводам быстрого посланца. И даже компенсацию за моральные издержки, на которых наверняка настаивала бы возмущённая мать, принял как должное. Сошлись на том, что две трети календарного года Персефона проводит с матерью, на земле, а одну треть – с мужем, под землёй. И в доказательство своих добрых намере-

ний Аид незамедлительно отправил Персефону вверх, к Деметре. Всё-таки, хороший он, этот Аид!

Сразу по прибытии Персефоны к матери природа ожила: зазеленели травы и деревья, пчёлы бросились опылять цветы. Теперь можно было подумать и о жертвоприношении богам. Все были счастливы, даже Аид, у которого в связи с отменным урожаем резко убавилось работы и теперь он мог уделять молодой жене гораздо больше внимания.

Джованни Лоренцо Бернини. «Похищение Прозерпины (Персефоны)». 1622. Рим, галерея Боргезе.

Нить Ариадны

Никто не знал, что случилось с сыном критского царя Миноса Андрогеем. Известно было лишь то, что он покинул остров и направился в Аттику, на Панафинейские игры. Однако, в протоколе участников состязаний его имя зафиксировано не было. Не видели его и в гостинице, а забронированный на его имя номер в конечном итоге занял какой-то фессалиец. Были опрошены портовые служащие, представители служб безопасности, местные жители, сдающие жилище внаём. Юношу атлетического сложения, с кудрями до плеч, орлиным взором и царственной осанкой никто не видел! Наконец, к розыскам пропавшего подключились лучшие специалисты по борьбе с преступностью, а волонтеры денно и нощно прочёсывали местность... Ничего! Высокоставленный гость покинул судно, прибывшее с острова, но куда направился, никому не было известно.

Исчезновение одного из участников соревнований сулило их организаторам огромные неприятности. И дело даже не в серьёзных шансах на победу известного спортсмена. Пропавший являлся наследником, причём его шансы на занятие царского трона были практически абсолютными. Единственное, что могло ему помешать – скверный характер отца, имевшего и в мировом сообществе репутацию отвратительную. Деспот, одним словом. Так что если б вдруг воз-

ник повод для международного скандала – быть беде! В гневе Минос был страшен! И очень скоро афиняне это почувствовали.

Критский владыка, так и не дождавшись от Афин внятного ответа на вопрос, что же стало с его сыном, наложил на город контрибуцию. Отныне и вплоть до обнаружения Андрогеея (живого или мёртвого) каждые 9 лет горожане должны были присылать на остров семь юношей и семь девушек для жертвоприношения Минотаврy – звероподобному существу с телом человека и головой быка. Возможно, этим своим несусветным требованием Минос попросту хотел спровоцировать войну между Афинами и Критом. И уж во всяком случае – создать в глазах критян устойчивый образ врага. Именно в это время остров начал испытывать серьёзные экономические трудности вследствие недальновидной политики его руководства: ликвидации общественной жизни как таковой, подавления частной инициативы, введения в оборот патриархальных и давно отживших форм монархического правления и так далее...

Однако, воевать с тем, кто своими руками разрушил едва ли не самую процветающую экономику средиземноморья, афиняне не собирались. Они же не какие-то там спартанцы, хватающиеся за мечи при первой возможности! Афины – это маяк цивилизации, надежда всего прогрессивного человечества, оплот культуры и созидания. Зачем же всё это подвергать опасности разрушения?

В общем, афиняне решили требования Миноса удовлетворить. Собственно, 14 человек раз в девять лет... Не так уж и много. От болезней и природных катастроф гибнет значительно больше. А сколько тонет в море! Так что запросы критского царя были признаны приемлемыми и подлежащими исполнению.

Трудно сказать, как было воспринято Миносом решение афинян. Скорей всего, отрицательно. Что это за враг, если он на всё согласен? Конечно же, царь испытал разочарование. Кстати, теперь становится понятным и что случилось с Андрогеем. Скорей всего, он сошёл на берег, выждал часок-другой в укромном месте и вернулся в порт. Здесь его поджидало маленькое судёнышко, на котором он спешно покинул Аттику и взял курс на отцовский остров.

План в том и заключался, что Анрогей якобы исчезает, после чего якобы раздавленный горем отец предъявляет Афинам абсолютно неприемлемые с точки зрения цивилизованных норм требования. Афины отказываются от их выполнения и им объявляют войну. После чего на острове можно завинчивать гайки, а всех несогласных объявить предателями родины и уничтожить. Андрогей всё это время будет находиться на нелегальном положении, а объявится, когда станет совсем плохо. Новый руководитель (в его лице) объявит политическую оттепель, по окончании которой гайки можно будет закручивать дальше.

План был прекрасный, но вмешалась непогода: случился

сильный шторм и Андрогей утонул вместе с судном. Но его гибель не повлекла за собой изменений в планы, намеченные Миносом. Больше об Андрогее не вспоминали.

Возле причала №6 раздался свисток на посадку и провожающие бросились обнимать отплывающих на Крит. Плач, слёзы... Семь юношей и столько же девушек взошли на корабль. Обратного они не вернутся, ибо будут съедены Минотавром. Такова их горькая участь.

Однако, кто это спешит подняться на борт вместе с ними? Кто тот чужак, которому жизнь не дорога? Ба, да это же Тесей, сын афинского царя Эгея! Что он здесь забыл? Хочет быть съеденным ненасытной тварью? Но он избавлен от такой судьбы своим происхождением!

Всё гораздо проще: молодой человек искренне возмущён кровожадностью руководителя одной из крупнейших средиземноморских держав и хочет сразиться с человекообразным монстром. И это меняет дело. Надо ему помочь.

Собственно, Тесей уже дальновидно заручился поддержкой. И не кого-нибудь, а самой богини любви Афродиты. Её ему посоветовал покровитель морских путешествий бог Аполлон. Видно, знал по личному опыту: если что и может помочь в безнадежном деле, то только любовь...

Вот и остров Крит. Юноши и девушки сошли на берег и выстроились в шеренгу. К ним примкнул и Тесей. Среди

встречавших была дочь Миноса Ариадна, сразу обратившая внимание на писаного красавца, шедшего под восьмым номером. И Ариадна не просто заметила Тесея, а и влюбилась в него. Чему виной было своевременное вмешательство Афродиты, внушившей девушке самые светлые чувства к одному из прибывших. Отныне все мысли Ариадны были об одном: как спасти своего возлюбленного.

Обречённых на смерть отвели в Лабиринт, где их уже поджидал соскучившийся по человечинке Минотавр. Молодёжь сразу заплутала в бесчисленных переходах и звероподобному монстру только и оставалось, что съесть их поодиночке. Однако, он не спешил к ним навстречу. Сами придут, рано или поздно. Из Лабиринта ещё никто не выходил.

Неизвестно, чем бы всё закончилось для Тесея, если б Ариадна в последний миг не догадалась передать ему острый меч и клубок ниток. Имея же на руках не только грозное оружие, но и прекрасную систему ориентации, герой уже по-другому воспринимал происходящее. Почему и оказался впереди всех, оказавшись с Минотавром tet-a-tet.

Закипела битва. Не раз Тесей был на волосок от гибели. Наконец, изловчился и ткнул человекобыка в самое сердце. Тот рухнул на каменистый пол и издох.

Размотанная нить помогла выйти наружу. По пути удалось собрать остальных. На выходе честную компанию поджидала Ариадна. Теперь – на корабль и...

Возможного преследования удалось избежать. Вокруг – море, а корабль мчится к Аттике. Только вот надо бы сменить паруса. Чёрные они. Афиняне затонировали их в знак скорби по сородичам, отправляемым на Крит. Теперь пришёл черед поднять белые паруса.

Прямо по курсу лежал остров Наксос. Причалили. Здесь и предстояло сменить чёрное на белое. Однако, перед началом работ никогда не лишне отдохнуть. Тесей прилёг на песочке и уснул. И явился ему во сне бог Дионис и в категоричной форме потребовал, чтобы отдал великий герой Ариадну ему, весельчаку и обжоре. Мол, так решили боги.

Что мог на это возразить Тесей? Ничего. Кто ж спорит с богами? Расстался с любимой и поплыл дальше, забыв от расстройства, зачем причаливал к острову. Так и продолжил путь под чёрными парусами.

А его отец, Эгей, всё это время ждал возвращения сына. Всмотривался в горизонт в надежде увидеть: белеет парус... И дождался. Но вместо белого паруса увидел чёрный. Не выдержал обрушившегося на него горя афинский царь и бросился со скалы. И погиб.

Позже выяснилось: это ошибка. Но изменить уже ничего было нельзя. Пришлось Тесею становиться царём, принимать бразды правления Афинами в свои руки. Море же назвали Эгейским. В память о случившемся.

Жан-Батист Реньо (1754—1829). «Ариадна и Тесей». Музей изящных искусств, Руан

Тесей и Пейрифой

Персефону, несмотря на её зловещее местожительство (подземное царство теней), нет-нет, да и хотели похитить. Как она к этому относилась – сказать трудно. Её не спрашивали. Но, видно, история её замужества, приведшая когда-то к глобальным климатическим проблемам, привлекла к себе достаточное внимание и ставшую известной персону нельзя было игнорировать. Так что первой, о ком вспоминали видные женихи, была именно она.

Тесей и Пейрифой... Думали ли они, когда похищали прекрасную Елену, чем всё это для них обернётся? Наверно, нет. На думанье не было времени, ибо преследователи были близко, а перспектива оказаться в их руках представлялась вполне реальной. Но пронесло: от спартанцев удалось оторваться и скрыться за высокими стенами Афин.

Теперь можно было подумать о следующем этапе авантюры: кому из них Елена достанется. Кинули жребий. Досталась Тесею. Но Пейрифою тоже нужна женщина! К счастью, не будучи уверенными в благосклонности богов в таком важном деле, как обладание спутницей жизни, друзья договорились заранее: тот, кому повезёт со жребием, поможет менее удачливому в решении и его сердечного вопроса. Не в смысле поделиться имеющимся, а в смысле раздобыть ещё одну представительницу прекрасного пола. И первая, о ком поду-

мал Пейрифой, была как раз жена повелителя царства теней умерших.

Собственно, почему нет? Если вокруг Персефоны столько шума – значит, есть повод для беспокойства! Набросали план действий.

Персефона – это не Елена, проживавшая в обычном, пусть и весьма воинственном регионе. От Аида ещё никто не убежал. В его владениях всё было на высшем уровне: охрана, пропускной режим... И на посту не ротозеи какие-нибудь, а последнее слово стерегущих систем – пёс Кербер, с которым нельзя договориться.

Прикинув варианты, друзья пришли к выводу: идти надо прямо к Аиду и в категоричной форме потребовать у него жену. Так и сделали.

Аид внимательно выслушал посетителей. В принципе, их можно было понять. Персефона, действительно, радовала глаз. Но с кем останется он? С тенями усопших? С ними неинтересно. Целыми днями (если можно так выразиться) его подопечные бродят по просторам вверенного ему подземелья и ничего не просят. То ли ни на что не надеются, то ли и впрямь ничего не нужно. Тоска, да и только...

– Нет, ребята, жену я вам не дам. Обойдитесь как-нибудь без неё...

Казалось бы, ответ получен и можно удалиться. Но не тут-то было: Тесей с Пейрифоем продолжали настаивать. Особенно усердствовал Тесей. Он был хозяин своему слову

и не видел другого способа выполнить свои обязательства перед Пейрифоем, как принудить Аида к отказу от супруги. В конце концов, должен же тот войти в положение героя, давшего честное слово!

Аид не стал спорить. И не таких видал! Сказал, что подумает и предложил подождать его решение за дверью. Там стоят стулья... Каменные... Не слишком удобные, зато надёжные. Будьте так любезны...

Сказано подождать – подождём! Друзья уселись на уникальный мебельный гарнитур и... приклеились. Намертво! В смысле – приросли. Но, в сущности, какая разница? Главное – надолго, если не навсегда. Но это уже на усмотрение хозяина.

И потекли годы вынужденного бездействия. Наверху осень сменяла лето, зиму – весна... Птицы вили гнёзда и выводили птенцов, звери вскармливали детёнышей, люди строили и разрушали, созидали заново и приводили в негодность. За Еленой пожаловали братья, взяли Афины штурмом, получили всё, что хотели и убралась восвояси. А Тесея с Пейрифоем сидели в предбаннике и всё ещё на что-то надеялись. А что им оставалось?

Наконец, Аиду надоело созерцать их постные физиономии и он предложил им убраться на все четыре стороны. Естественно, без удовлетворения их требований. Те переглянулись и поняли: это – всё. Встали и проследовали на выход.

И это был ещё не самый худший для них вариант. Ведь

царства теней они всё-таки избежали! Кербер, сидевший в конце коридора, проводил незадачливых посетителей плотоядным взглядом. Однако, их очередь ещё не пришла и пёс улёгся в ожидании очередной партии прибывающих на постоянное (и теперь уже окончательное) место жительства.

За время отсутствия наших героев на земле мало что изменилось. Те же солнце, небо, синее море... Вот только от афинского акрополя остался лишь Парфенон, да и тот в состоянии ужасном.

Не было больше у Тесея ни кола, ни двора. И Пейрифой куда-то исчез. Видно, пошёл по миру, искать приключений на свою голову... Долгое сидение не отбило у него охоту к перемене мест.

Тесей недолго тосковал в одиночестве. Были у него владения и помимо Афин... На одном прелестном острове в Эгейском море... Туда и отправился.

Однако, его там не ждали. Долгое отсутствие всегда нежелательно. К нему привыкают и внезапное появление того, о ком уже начали забывать, вызывает разочарование. Тесей этого не учёл и поплатился.

Новый начальник острова принял радушно. Накормил, напоил... После чего предложил полюбоваться на тесеевы владения, для чего подняться во-о-он на ту скалу. С неё особенно хорошо видно.

Поднялись... Недолго наслаждался Тесей прекрасным видом: получил предательский толчок в спину и полетел на прибрежные скалы.

Аид был рад встрече со своим давним знакомым. Да и кто бы на его месте сокрушался? Только теперь это был уже совсем другой Тесей, ничего не требующий и ни на что не покушавшийся. Да и Тесей ли это? Так, тень одна. А с тенью какой разговор?

И Кербер никак не прореагировал на прошедшего мимо великого героя. Много их, таких...

И Персефона так и не узнала, какие страсти кипели вокруг её имени. Не узнала она, и что за посетители долгие годы сидели в предбаннике мужниного кабинета, а потом исчезли...

А вот кто действительно заслуживает нашего внимания, так это исчезнувший Пейрифой. Бродит сейчас где-то по миру в поисках суженой, найти не может. Зато – на свежем воздухе, полный желаний и надежд. Не величайший из героев? И что с того?

Тесей и Пейрифой кидают жребий.

Похищение Золотого руна

– Что-что? Неурожай? И это при отличной погоде, дождях и отсутствии военных действий? Вы что, с ума посходили? Какие ещё условия нужны для процветания? Не сделали жертвоприношения богам? Как так? Я же распорядился... И скот был выделен... Отправили куда-то не туда? И что теперь делать? Внести дополнительные пожертвования? Ну, парочка быков всегда найдётся... Погодить? Расспросить богов, что им нужно? А вот это правильное решение. Значит, так: сходишь в Дельфы, в храм Аполлона, и хорошенько всё разузнаешь: что, кому и сколько. И доложишь – всё, без утайки. Действуй, и поживее!

Афамант, царь Орхомены, был не на шутку встревожен. Дела шли из рук вон плохо. А всё началось после того, как он присмотрел себе новую жену, Ино, а с прежней, Нефелой, решил расстаться. Детей, естественно, взял себе. Думал, новая супруга будет рада общению с подрастающим поколением. И ошибся. Невзлюбила мачеха Фрикса и Геллу и решила от них избавиться.

Но как это сделать? Всё же должно выглядеть естественно! Иначе боги... Ага, вот им-то и следует поручить решение вопроса. Они же должны остаться довольны. А ничто так не радует даже самого никудышного бога, как жертвоприношение. Вот и пусть жертвой станет пасынок, а не безобидная

скотина, которая ни в чём не виновата.

Но вспоминать о богах принято лишь в критических случаях: землетрясение, пожар, катастрофическое наводнение или голод. С землетрясением опасно. Можно и пострадать. Пожар, наводнение... Слишком трудозатратно. А вот голод организовать вполне по силам. И тогда Афамант непременно вспомнит о своём защитнике, Аполлоне. Начнёт к нему обращаться, спрашивать совета. Тут-то и подсуется: подкорректировать ответ Аполлона в нужном Ино ключе. И если бог в результате получит качественную жертву, а не глупую овцу, вряд ли он станет возражать...

Продумав всю комбинацию, коварная женщина подговорила орхомян засушить свои семена, чтобы те не взошли. Орхомяне почесали в затылках – и согласились. Начальству видней! Как результат – угроза голода. Но тут уж ничего не попишешь.

Спешит посланник Афаманта, торопится. Хочется ему поскорее вернуться домой из Дельф: принять ванну, выпить чашечку вина. Туда-сюда путь неблизкий, да и небезопасный. И это при том, что, в общем-то, никакого смысла в хождении за тридевять земель не было и нет. Ответ Аполлона известен заранее. Но раз надо...

Однако, что это за стук копыт? Кто-то мчится, как оглашенный! Надо бы убраться с дороги. Неровён час – окажешь-

ся на дне пропасти с проломленным черепом...

Ба, да это же царица! Куда она так несётся?

Тпру-у-у... Встали кони. Смотрит на путника Ино, сверлит взглядом. Поёжился царский гонец, неуютно ему стало: справа – каменная стена, слева – обрыв...

– Слыхала я, был ты в Дельфах. И что сказал Аполлон?

– То же, что и всегда, госпожа: овцы, бараны...

– Ты внимательно слушал? До меня донеслось нечто другое. Или у меня что-то со слухом?

Посланец растерялся. Всегда считалось, что это игра такая: он идёт в храм, возвращается и сообщает то, что нужно господину. Ну, с чем ему не жалко расстаться в качестве жертвоприношения. И до сих пор всё было прекрасно. А теперь, получается, слова Аполлона – не пустая формальность? И что теперь делать?

– Вижу, ты плохо слушал. Не думаю, что великий царь будет счастлив узнать: его посланец не вслушивался в слова Аполлона! Больше того, хотел обмануть своего господина! За это полагается смерть – позорная и жестокая. И ты её заслужил. Впрочем...

Посланец, уже было распрощавшийся с жизнью, обратился в слух...

– Я могу тебе помочь, хоть ты этого совершенно не заслуживаешь. Но можешь от моей помощи и отказаться...

Несчастный скосил взгляд: справа – стена, слева – обрыв... В конце концов, какая ему разница, что сказал Апол-

лон? Он и впрямь невнимательно слушал. Там были такие служанки...

– Госпожа, я виноват перед тобой. Отвлёкся и прослушал самое главное. И если тебе будет угодно...

– Хорошо. Пожелание Аполлона было особенным, не таким, как всегда. На этот раз в качестве жертвы он хочет Фрикса... Моего горячо любимого пасынка... Как я буду без него – даже не представляю...

При последних словах голос царицы дрогнул, а из прекрасных глаз брызнули слёзы.

Посланник остолбенел. Это была действительно необычная просьба. Может, ещё и поэтому он в храм не заходил? Пообщался со служанками на воздухе и...

Очнулся от пристального, испытующего взгляда царицы:

– Ну так что? Будешь настаивать на овцах и баранах?

– Нет, госпожа, не буду. Всё было так, как ты сказала. Я ещё удивился...

– Ну, вот и славненько. Ты, наверно, сильно поиздержался? Вот тебе на первое время...

Царица бросила тяжёлый мешочек к ногам гонца, развернула колесницу и умчалась обратно. А посланник продолжил свой путь.

Афамант решил Аполлону не перечить: сына так сына. Не рисковать же урожаем? Приготовились к соответству-

ющей процедуре. Но когда всё было готово для нанесения решающего удара, невесть откуда появился златорунный овен, посадил на себя обреченного на заклятие юношу и унёс в неизвестном направлении. Это Нефела, богиня облаков и прежняя жена Афаманта, спасала своего сына. Видно, до плодородия бывших владений ей было мало дела. Что вполне объяснимо.

Взвился овен под облака, помчался, подгоняемый попутным ветром. И несло его до тех пор, пока не оказался он аж в Колхиде, по ту сторону Эвксинского Понта.

Тамошний царь Эет принял беглецов доброжелательно: Фрикса отправили на воспитание, а овна определили в жертву Зевсу, поспособствовавшему столь длительному воздушному путешествию. Шкуру же, снятую с овна, вывесили в священной роще бога войны Ареса: чтобы этот грозный бог не чувствовал себя обойдённым вниманием со стороны тех, кому ещё не раз понадобится.

Фрикс подрос и женился на дочери Эета Халкиопе. Та нарожала ему детишек, после чего Фрикс умер. Дети выросли и решили наведаться в Орхомену, на родину своих предков. Однако, морское плавание окончилось кораблекрушением. Им повезло и голодной смерти на маленьком острове удалось избежать, ибо именно к этому клочку суши пристали аргонавты, направлявшиеся в Колхиду за Золотым руном. Кто такие аргонавты и как здесь оказались? Сейчас узнаете.

У Афаманта был брат, а у брата – сын. И этот сын (по имени Эсон) умудрился потерять власть над городом Иолком, доставшуюся ему по наследству. Счастливым, сделавшим из царя простого горожанина, был сводный брат Эсона, Пеллий. Естественно, после всего случившегося Эсон начал всерьёз опасаться за судьбу своего малолетнего сына, Ясона.

Ведь Пелия наверняка не радовала перспектива когда-нибудь столкнуться с претензиями на власть, узурпированную им. Малыша спрятали в жилище кентавра Хирона, который и взял на себя заботы по воспитанию будущего правителя. Так, во всяком случае, предполагалось.

Ясон подрос и отправился за тем, что принадлежало ему по праву – властью над городом. Однако, Пелию такой поворот был ни к чему и он решил юношу погубить. Для чего предложил тому отправиться в далёкую Колхиду, за Золотым руном. Мол, об этом его просила тень умершего Фрикса, дальнего родственника, за которого молвил слово сам Аполлон. Ему, немощному старцу, такой подвиг не по плечу, а вот Ясону – в самый раз.

Знал хитрец: не власть нужна самолюбивому юноше, а великий подвиг. По крайней мере, сейчас.

Ясон оказался хорошим организатором. Под его знамёна встали самые выдающиеся герои современности. Соскучились по подвигам?

Добираться до Колхиды решили морским путём. Так небезопасно, зато быстрее. Корабль «Арго» проявил себя с наилучшей стороны: десятивёсельный, стремительный, послушный в управлении, он выручал в самых критических ситуациях. А их случилось немало, пока на горизонте, наконец, не показалась земля Колхиды.

Царь Эет встретил гостей доброжелательно. Во дворце был устроен роскошный пир, на который пожаловали Ясон (как руководитель экспедиции) и сыновья Фрикса, спасённые аргонавтами. Начались расспросы: зачем да почему, да с какой целью прибыли на благословенную землю Колхиды. Ясон не стал скрывать цели своего визита и сказал, что им нужно Золотое руно.

– И всё?

Царь Эет недоверчиво смерил юношу взглядом.

– Всё!

– И ради этой бараньей шкуры вы рисковали жизнями? За кого ты меня принимаешь?

– Да точно – только шкура и нужна. Больше ничего! Клянусь Зевсом!

Но чем больше убеждал царя Ясон, тем недоверчивее тот становился. Наконец, до Эета «дошло»: сыновья Фрикса не были ни в каком кораблекрушении, а благополучно добрались до Орхомены, сговорились там с греками и с их помощью теперь попытаются отнять у него власть.

«Ах, ты... Ну, ладно...»

Что мог сделать царь Колхиды в такой ситуации? Конечно же, дать Ясону какое-нибудь поручение – такое, чтобы тот сломал себе шею. И он его придумал. Заключалось оно в следующем: вспахать поле при помощи двух совершенно неуправляемых в своей дикости и злобности огнедышащих быков, засеять его зубами дракона, оставшимися после од-

ного из сражений между богами, дожидаться восходов в виде хорошо вооружённых воинов (в неисчислимом количестве), сразиться с ними и победить. Вот, собственно, и всё! Согласен?

Ясон почесал в голове: да-а, это не по морю плавать. Но подвиг не ждёт!

– Согласен! Только сразу договоримся: выполню твоё поручение – шкура моя. В смысле – Золотое руно. Возражений нет?

Откланялся и ушёл на берег, где его дожидались друзья-аргонавты.

Как быть? Согласие на испытание дано, но больше по инерции, нежели по зрелом размышлении. Теперь самое время всё обмозговать.

Аргонавты пребывали в некоторой растерянности. Задание выглядело совершенно невыполнимым. С огнедышащими быками и так-то справиться проблематично, что ж говорить о вспашке поля... А ещё зубы дракона в невероятном количестве, хорошо вооружённые воины...

– Есть выход! – вскричал один из сыновей Фрикса. – Медея же – волшебница!

– Медея – это твоя тётка?

– Ну да!

– Что ж сразу не сказал? Только ведь мы с ней не знакомы.

Зачем ей нам помогать?

– Я попрошу свою мать замолвить за нас словечко. Сёстры всё-таки...

Не знал добросердечный юноша, что богини уже обо всём побеспокоились. Ведь вся эпопея с Золотым руном совершалась не просто так, а с санкции обитательниц Олимпа: Геры, Афины и самой богини любви Афродиты. Почему они были столь сговорчивы? А разве Ясон не прекрасен, как Аполлон, ловок, как Гермес, жизнелюбив, как Дионис? Такие герои – редкость. Кому ж помогать, как не ему?

Однако, давно известно: олимпийцы никогда и ни во что не вмешиваются напрямую. Только через посредников. И это правильно. Ведь тогда им не придётся сталкиваться лоб в лоб с другими завсегдатаями священного Олимпа. Место для манёвра должно быть всегда...

В случае с аргонавтами такой посредник был найден. Им стала... Медея. В этом не было ничего удивительного: ведь она была лицом незаинтересованным, а значит, свободным в своих действиях. А чтобы ей легче было справиться с возложенными на неё обязанностями, прелестный сынишка Афродиты Эрот пронзил сердце волшебницы любовной стрелой к Ясону. Она и вспылала. Особенно после того, как увидела своего суженого в отцовском дворце. Так что Медею упрашивать не пришлось. Она сама пришла аргонавтам на помощь.

Свидание с Ясоном оказалось трогательно романтичным.

Юноша получил из рук волшебницы мазь, делающую его непобедимым. И это ещё не всё. Медея ведь была писаной красавицей, что не могло не произвести должного эффекта. Он и случился: Ясон влюбился в свою потенциальную спасительницу. Что неудивительно.

Ясон выполнил поручение Эета. Пришлось ему нелегко, но волшебная мазь не подвела: враги были побеждены! Кажется бы, дело за малым: получай Золотое руно и плыви домой, в Иолк. Но не тут-то было.

Царь Эет оказался на редкость вероломным субъектом и вместо того, чтобы отдать шкуру, решил аргонатов погубить. Впрочем, один довод для нарушения своих обязательств у него всё-таки был: возникло подозрение, что тут не обошлось без вмешательства его младшей дочери, волшебницы Медеи. А коли так, подвиг Ясона становился... э-э-э... несколько сомнительным. Значит, ни о каком Золотом руно не могло быть и речи.

В принципе, логично.

Не спится Медее. Чует женское сердце: быть беде. Не отпустит Ясона царь-отец, погубит его. Да и её – тоже. Наверняка ведь догадался, с чьей помощью победил греческий герой. А коли так – бежать надо, без оглядки. И не только ему,

но и ей. Но прежде...

Тёмной ночью идут Ясон и Медея в священную рощу. Охранник-дракон встрепеленулся, направил на них огнедышащую пасть. Побрызгала на него Медея волшебным зельем – и уснул дракон. Срезал Ясон заветную шкуру – и на корабль.

Помчались аргонавты во всю прыть. До восхода солнца оставалось совсем чуть-чуть. А как наступит день и увидит Эет: нет аргонавтов – тут же снарядит погоню. Непонятно, правда, зачем. Сам ведь считал Золотое руно мало что значащей шкурой. Если только из-за Медеи...

После многих приключений аргонавты всё же добрались до Греции. Тепло расстались друг с другом на берегу, пожелали удачи и разошлись по домам – удивлять слушателей рассказами о далёких землях и народах, великих подвигах и славе. «Арго» свою миссию выполнил и его с лёгким сердцем бросили на песке. Ясон же с Медеей отправились в Иолк.

Пелий его явно не ждал. Юноша должен был погибнуть! Однако, вот он, собственной персоной – стоит, победно улыбаясь. В руках – Золотое руно.

– Я выполнил твоё поручение, Пелий. Теперь твой черёд держать слово.

Не захотел Пелий расставаться с властью. Грубо ответил великому герою: «Да пошёл ты... И шкура твоя мне не нужна. Не будет тебе власти. Не для того я столько лет сижу на троне, чтобы какому-то юнцу уступать. Проваливай на все четыре стороны. И не зли меня!»

Расстроился Ясон. Совершить столько подвигов, преодолеть столько преград – и всё зря? И как теперь быть?

На его счастье, за дело взялась Медея, рассуждавшая очень просто: если Пелий не отдаёт власть по-хорошему, его надо убить.

Но как это сделать? У него же приличная охрана!

Нет ничего невозможного, если ты волшебница. Медея делает дочерям Пелия предложение, от которого невозмож-

но отказаться: омолодить царя, причём самым радикальным образом. Ну, право, что он весь какой-то согнутый, сморщенный, со скрипучим голосом и шаркающей походкой? На него же люди смотрят! Царь должен быть как огурчик: молодой, подтянутый, глаза блестят. Как Эсон, отец Ясона. Тот тоже был старой развалиной, но после вмешательства Медеи (мази, обтирания, замена крови на волшебное зелье) его не узнать: красавец-мужчина в расцвете лет! И Пелий станет таким же. Согласны?

Дочери закивали головами. Однако, когда дело дошло до выпуска крови (посредством перерезания горла), они отказались наотрез. Пришлось Мее резать самой. А так как зелье было уже другим, нежели в случае с Эсоном, то и изображать процесс омоложения дальше не имело смысла. Бросила волшебница тело Пелия в чан с кипящей водой, вскочила на колесницу и была такова.

Расправа над стариком дорого обошлась претенденту на власть: он её так и не получил. Кстати, это был уже не первый случай проявления самого низменного коварства с его стороны. Однажды такое уже было. В тот раз аргонавты оказались в безвыходном положении: преследовавшие по приказу Эета колхидцы сумели настичь их и окружить. Не видя другого выхода, Ясон обманом заманил Абсирта, брата Медеи и командира преследователей, в храм. Якобы на свидание с сестрой. Тот пришёл безоружный и был убит, что по всем канонам считалось немислимым преступлением.

Потрясённые и деморализованные, колхидцы дали аргонавтам возможность выскользнуть из окружения. Чем те и воспользовались.

И вот теперь новое преступление. Не многовато ли? Эта пара встала на путь, недостойный великих героев и была изгнана из Иолка с позором.

Им удалось поселиться в Коринфе. Больше того, Ясон сумел приглянуться тамошнему царю и тот дал согласие на его брак со своей дочерью.

А Медея? Ей-то куда деваться? Она же любит Ясона! И пусть это несколько странная любовь – болезненно ревнивая, страстная до безумия – но уж какая есть. Ясон не должен её бросать! Однако...

От любви до ненависти один шаг. Даже если сердце твоё поражено стрелой Эроса. Кстати, Ясон подобной участи избежал и, может, в этом всё и дело. Не исключено, что он во все и не любил Медею, а просто был благодарен ей за помощь.

Но благодарность благодарностью, а жизнь не стоит на месте... Попробуй, объясни это сумасбродной волшебнице, к тому же ещё и внучке лучезарного Гелиоса!

И возненавидела Медея своего вчерашнего возлюбленного всей душой. Знакомая ситуация, не правда ли? Но глубину её ненависти Ясону ещё только предстояло узнать.

У Медеи возник план мщения, согласно которому её месть будет не просто страшной, а изысканно чудовищной.

Ясон будет не просто страдать, а кричать от боли, рвать на себе волосы и рыдать от бессилия. Удар будет нанесён в самое уязвимое место – по их совместным детям. Но прежде будут убиты те, кто их приютил – царь Коринфа и его дочь...

Всё так и случилось. Медея была ужасна.словно сам дьявол вселился в неё. И когда всё было кончено, она призвала Ясона... Показала тела малышей, лежащие у её ног в воздушной колеснице... Сверкнула очами и скрылась в лазурной вышине.

А Ясон остался. Один.

Нигде не находил себе места великий герой. Долго скитался. Единственное, что у него осталось – воспоминания. И сожаления. Особенно одно: лучше б они тогда пали в неравном бою с колхидцами. То была бы славная смерть! А он смлодушничал. Хотел власти над Иолком? Но он её так и не получил. Выходит, все его великие подвиги перечёркнуты одним неблагоприятным поступком? Справедливо ли это?

Видимо, да. Репутация – ноша тяжёлая...

Конец его был печален. В своих скитаниях набрёл однажды на полуразвалившийся «Арго», прилёг на песок в тени старого друга и уснул. Корма отвалилась и похоронила героя. «Арго» сжалился над своим кумиром и прекратил его мучения. Раз и навсегда.

Эжен Делакруа. «Медея». 1826г.

Калидонская охота

Сквозь густые заросли терновника ничего не было видно. Мелеагр, сын Ойнея, царя Калидона, поднял тяжёлое копьё. Опасность велика! Где-то там, в мрачном ущелье, среди тёмных скал и уродливых деревьев притаился свирепый кабан – огромное дикое животное, словно задавшееся целью известить род людской своими набегами на плодородные нивы и плантации цитрусовых. А всё потому, что проявлено невнимание к одной из главных богинь олимпийского пантеона – Артемиде. Её обошли жертвоприношением! О ней попросту забыли! Можно ли придумать большее оскорбление?

Местным жителям – этолянам – кабан доставлял кучу неприятностей. Ни одно дерево не могло устоять под натиском его страшных клыков: он вырывал их с корнем. Посевы же просто вытапывал. И делал это с удовольствием, похрюкивая и повизгивая. Что ж, люди должны знать крутой нрав богини. Иначе и порядку не будет.

Беспредел, творимый разошедшимся хряком, заставил Мелеагра взяться за оружие. Надо же как-то противостоять злобному поедателю желудей! Кстати, появилась возможность проявить лучшие качества эпического героя.

С кабаном необходимо было кончать, и как можно скорее. Но как это сделать? Одному не справиться. Нужна помощь таких же героев, как и он.

И Мелеагр кликнул клич.

Желающих поохотиться набралось немало. Какие только герои не бросили свои дела и не поспешили на зов... По случаю охоты закатили роскошный пир, продолжавшийся девять дней. Мог продолжаться и дольше, но решили: хватит! Всё-таки собрались не просто так, а для борьбы со зверем. Парнокопытный же времени не терял и окончательно затерроризировал местное население. Герои отправились на врага.

Справа от Мелеагра замерли спартанцы Кастор и Полидевк, слева – Тесей из Афин и Ясон из Иолка. Чуть поодаль прижались к земле Пейрифой из Фессалии и Пелей из Фтии. Остальных героев не было видно по причине их умелой маскировки. Руки сжимают мечи и дубинки, топоры и копья, луки и стрелы. Все на взводе, все готовы обрушить на противника шквал смертоносных ударов.

Наконец, собаки унюхали толстокожего монстра и погна-ли его на засаду. Мелеагр дал команду – и кабана встрети-ла стена из стрел, копий и камней. Но ничто не могло остано-вить взбесившееся животное: кабан хрюкнул и пошёл на прорыв.

И встал Мелеагр, и размахнулся пошире, и метнул своё страшное копьё в набегавшего мастодонта. И другие встали, и тоже метнули... Кабан отчаянно завизжал и со страшным

треском сминаемых деревьев исчез в зарослях напротив.

Такого никто не ожидал. Неприятность заключалась в том, что зловредная тварь скрылась на территории соседнего региона, подконтрольного городу Плеврону. И жителям этого региона – куретам – вряд ли могло понравиться, что теперь будут вытаптывать их посевы и вырывать с корнем их деревья. А то, что так и будет, сомнений не вызывало. И куреты объявили этолянам войну.

Необходимо отметить: куреты были не совсем правы в оценке сложившейся ситуации. Кабан ещё никак себя не проявил. Зализывал раны. Но куреты ничего не желали знать. Мысль, что в их краях скрывается животное, с которым не справилась целая группа героев, приводила в исступление. Почему куреты должны страдать из-за легкомыслия этолян? Начались боевые действия.

Война шла с переменным успехом. То куреты опустошат соседнюю территорию, то этоляне ответят симметрично. Сражения следовали одно за другим, потери становились катастрофическими. Уже никто не помнил, с чего всё началось. Кабан же так и не объявился. Поговаривали, что его вернула к себе Артемида. Мол, погулял – и хватит. Дело-то он сделал, наказал за несвоевременное жертвоприношение.

С Мелеагром же вышла грустная история. Воевал на стороне этолян и даже однажды спас родной Калидон. Но не простили ему боги междоусобицу. Им ведь совсем не по нраву кровавые распри, голод, экономические трудно-

сти и прочие катаклизмы. В такой ситуации о жертвоприношениях можно не вспоминать. Что ж в этом хорошего?

Осерчал Аполлон на великого героя, разозлился до такой степени, что взял свой серебряный лук, вложил в него золотую стрелу, натянул тетиву и... поразил Мелеагра в самое сердце, отправив душу незадачливого охотника в царство теней. Боги не любят неудачников.

Калидонская охота. Рельеф римского саркофага. Мрамор. 190—200гг. Рим, Палаццо Дория.

Ксут и Креуса

А всё так хорошо начиналось...

Креуса, дочь афинского царя Эрехтея, гуляла у стен Акрополя, собирала цветы и радовалась жизни. Здесь-то её и увидел бог Аполлон, увидел и полюбил. И она его полюбила – златокудрого и ясноглазого. И родился от той великой любви сын. Только побоялась Креуса известить о появлении ребёнка Эрехтея. Тот был нрава крутого и ему могло не понравиться, что так вышло. В общем, Креуса решила: плод любви лучше убрать куда-нибудь подальше. Положила в корзиночку, приложила кое-какие вещички и отнесла в укромное местечко. Им оказался грот, в котором малыш, видимо, и должен был провести свою только ещё начинавшуюся жизнь.

Это называется понадеяться на милость богов. Собственно, а кто ещё должен был побеспокоиться о судьбе сына, как не его отец? Тем более, что это – прекрасноликий Аполлон...

Расчёт оказался верным и сребролукий и далекоразящий, прознавший об оставленном ребёнке, с помощью Гермеса переправил своё чадо к себе поближе. Видать, присматривал за Креусой: как она там, не скучает без него? Корзинка с младенцем очутилась при входе в храм Аполлона в Дельфах, где её и заметила пророчица-пифия, прибывшая для исполнения своих обязанностей. И что-то подсказало ей: на-

до за мальчонкой приглядеть. Ну, она же пророчица!

В общем, малыш оказался в хороших руках и рос в благодати и спокойствии: бегал за бабочками и жуками, слушал пение птиц, подкармливал лесных животных. Когда подрос, чистого душой юношу избрали хранителем сокровищ храма, что само по себе характеризует его моральный облик. Так он и жил, не ведая о том, что ухаживает за жилищем своего отца. А Аполлон всё помнил и однажды решил: пора юноше вернуться к матери. Но с этим возникли проблемы.

Креуса к тому времени вышла замуж за Ксута, героя и сподвижника Эрехтея в его нелёгкой борьбе с халкодонтами. И всё было хорошо у супругов, кроме одного – не было у них детей. С этим надо было что-то делать и супруги решили обратиться к богам: каковы дальнейшие перспективы их совместной жизни? Ждать им потомства или не стоит?

Поехали в Дельфы, к Аполлону. Однако, по пути в святилище Ксут надумал заскочить ещё в одно место, к оракулу Трофонию, славящемуся точностью своих предсказаний. Креусе Трофоний доверия не внушал и пути супругов ненадолго разошлись: она сразу направилась в Дельфы, а Ксут сделал небольшой крюк.

Трофоний-то и сообщил Ксуту замечательную весть: у него уже есть сын, с которым он вернётся из Дельф. Неизвестно, стала ли данная новость для Ксута такой уж неожиданностью, но он очень обрадовался. Впрочем, на его месте любой бы прыгал от счастья.

Креуса тем временем оказалась в непростой ситуации. На тропинке, ведущей к храму, она столкнулась с юношей, участливо поинтересовавшимся её самочувствием. Видно, прихлынувшие воспоминания отразились на её лице. Завязался разговор, но ни юноша не узнал свою мать, ни она – сына. И так бы и разошлись их пути-дорожки, если б не планы светозарного бога, чей храм она надумала посетить. Разлука в его планы не входила.

В разгар беседы появился Ксут и спешно проследовал мимо. Не терпелось ему встретиться с сыном. Только как его узнать? Единственный, кто мог помочь в этом вопросе, был, конечно же, Аполлон.

Бог подсказал Ксуту, как узнать своего ребёнка: кто встретится первым по выходе из храма – он и есть. Первым оказался юноша, вежливо общавшийся с супругой. Отозвав молодого человека в сторону, Ксут сообщил ему приятную для обоих новость. Тот засомневался, но не игнорировать же волю того, кому прислуживаешь:

– Ладно, сын так сын. А кто мать?

На этот вопрос Ксут ответить не смог. Подобные вопросы частенько ставят в тупик отцов, незнакомых с ситуацией. Поэтому с матерью решили не торопиться, да и об отцовстве помалкивать. Пусть юноша побудет... гостем, а там как-нибудь разберёмся...

– Кстати, тебя как зовут? Никак? Интересно... Я тебя буду звать Ион. Запомнил? Ион!

Юноша пожал плечами. Ему было всё-равно: Ион так Ион. На том и порешили.

Не каждый день у афинского царя (а Ксут к тому времени уже сменил на троне престарелого Эрехта, геройски павшего от руки самого Посейдона) обнаруживается сын, радующий своей покладистостью и сообразительностью. Такую удачу грех не отметить. Вот и пусть Ион организует пиршество для местных жителей, а Ксут тем временем принесёт жертвы богам.

Мужчины занялись делом, а Креуса, так и оставшаяся в неведении относительно счастья, постигшего её супруга, ступила, наконец, на ступени храма. Помимо всего прочего, её теперь сильно интересовало: что же такое услышал от Аполлона её благоверный, ставший вдруг таким суетливым.

Служанки долго не решались открыть тайну божественного откровения. Но бесконечно так продолжаться не могло: уж очень новость-то была захватывающей. Наконец, одна не выдержала:

– Госпожа, у тебя беда! Твой муж в твою сторону больше и не взглянет! Бог подарил ему сына и вся любовь теперь достанется ему одному! А тебя ждут уединение и смерть!

– И кто же он?

– Тот юноша, с которым ты разговаривала...

– А мать?

– Неизвестно...

– А что сказал по этому поводу Аполлон?

– Ничего... Твой муж об этом не спросил. Сорвался, как ошпаренный, и побежал к выходу...

Мда-а-а-а, вот уж новость так новость... Не спросил... Интересно, почему? Может, потому, что знает, кто она? Кстати, ею может быть кто угодно, даже какая-нибудь служанка. И что тогда делать ей, единственной представительнице рода Эрихтония? Не будет у неё власти, как не будет и сына... Но у кого бы уточнить? Может, у старого слуги?

– Эй, любезный!

– Да, госпожа!

– Знаешь ли ты кого-нибудь, с кем мой муж мог... того...

Ну, сам понимаешь...

– Как не знать? Была у него рабыня... Очень симпатичная...

– Ну, и...

– А потом куда-то исчезла...

– И...

– Говорили, не случайно... Вроде, господин её куда-то отправил... Чтоб никто не видел...

– Может, в Дельфы и отправил?

– Может, и так. Здесь хорошо: горы, воздух, боги неподалёку... Да, пожалуй, сюда и отослал.

Креуса побледнела. Это было уже слишком! Сын рабыни

будет ею командовать? Не бывать тому!

Старик, внимательно наблюдавший за женщиной, всё понял:

– Есть один выход, госпожа: напиток богов... Тот самый...

Сама знаешь...

Ещё бы не знать! Капля крови ядовитой горгоны. Похлеще любого цианистого калия! И пир очень кстати. Вот уже и столы сдвинули...

Однако, в последний момент всё сорвалось. Уже и кубок был наполнен отравленным вином, и тост соответствующий произнесён... Только вдруг кто-то из присутствующих, без всякого на то повода, выразился нелитературно и тем самым оскорбил слух Иона, не привыкшего к подобным нарушениям божественной гармонии. Понял юноша – не к добру это – и вылил кубок на землю. Глупый голубь подскочил, клюнул – и издох.

Стало ясно: это покушение. Но кто покушавшийся? Последний, кто касался кубка – старый слуга. Но он, явно, всего лишь исполнитель. Нужен заказчик...

Старик долго отпирался, но, наконец, не выдержал и указал на Креусу. Это Иону сильно не понравилось. Казнить её! Со скалы сбросить!

Однако, распорядиться судьбой отравительницы могли только старейшины. Пришлось их уговаривать. Уговорил...

Вся эта волокита отняла довольно много времени, но когда вердикт был всё же утверждён, бедной Креусе только

и оставалось, что молиться Аполлону о смягчении своей участи. Всё это время она пребывала на жертвеннике дельфийского храма. Бога уговорить не удалось и Ион лично примчался в Дельфы, дабы привести приговор в исполнение.

Вот вам и праведное воспитание.

Но недаром Аполлон слыл не только насквозьвидящим, но и далекоглядящим. Спешащий за своей жертвой Ион неподалёку от храма нос к носу столкнулся... со своей воспитательницей-пифией, шедшей исполнять служебные обязанности. В руках у неё – корзиночка. Та самая, в которой когда-то и оставили подкидыша. Что-то ей подсказало: пришло время отдать вещички воспитаннику, чтобы он с их помощью разыскал свою мать. Впрочем, мы уже поняли: подсказал ей тот, кому вся эта мура с отцами и матерями порядком надоела – Аполлон.

Встреча с Креусой грозила стать последней. И слава богу, что к этому моменту в руках Иона оказалась корзиночка с детскими вещами. Креуса сразу её узнала. Ну, а отсюда недалеко и до окончания истории. Ведь всем стало ясно: Креуса и Ион – мать и сын. Правда, что теперь делать Ксуту? Отцом-то Иона он, получается, быть не может. И как Аполлон будет выходить из данной ситуации? Скажет: «Я пошутил»?

Впрочем, богу вопросы лучше не задавать. Может и разгневаться. И тогда – беда...

Мать нашла своего сына и это главное. Спросите, почему?

Да потому, что править Афинами должен прямой наследник Эрехтея, а не какая-нибудь сомнительная личность. Тут даже нравственные страдания Ксута отходят на второй план. Но ничего. Он же мужчина! Как-нибудь справится.

Эрисихтон

В лесу раздавался топор дровосека. И это был не простой дровосек, а царь Эрисихтон, самолично расправляющийся с вековым дубом, красующимся в священной роще богини плодородия Деметры.

С чего бы такая ненависть к природе? Дело в том, что огромная раскидистая крона с гигантским количеством желудей притягивала к себе кабанов, превративших окрестности в подобие перепаханного поля. В результате стало невозможно ходить. А царь любил прогуляться по лесу и постоянные препятствия выводили его из себя. Виновным было признано дерево и его было решено срубить.

Казалось бы, дай соответствующую команду – и дубу конец. Однако, не всё так просто...

Эрисихтон относился к богине Деметре без подобающего её статусу почтения. Возможно, потому, что развитие земледелия и связанное с ним массовое уничтожение лесов и лугов вело к нарушению экологического равновесия – пересыханию рек, заболачиванию почв и, как следствие, распространению вирусных инфекций. Уж лучше пусть всё остаётся по-прежнему, как в старые добрые времена, когда ни пахать, ни сеять не было никакой необходимости: всё росло само собой и как правило – на деревьях.

Лично взять в руки топор заставило то обстоятельство,

что слуги откровенно динамили уничтожение дерева, ибо боялись гнева Деметры. Поговаривали, что в дубе, подлежащем сносу, живёт одна из её любимиц – дриада. А с лесной нимфой, покровительницей деревьев, лучше не связываться. Выгнав её из жилища, рискуешь встретиться с ней уже на узкой тропинке в тёмном лесу. И каковы будут последствия – одному богу известно.

А ведь возможен ещё и такой вариант: в вашу дружную семью под личиной сыновней невесты пробирается эта самая дриада. Она же ничем не отличается от человека, даже одеждой! И что вы будете делать? Ждать, когда она расквітается с вами за утраченное имущество?

Нет уж, пусть лучше Эрисихтон сам всё и сделает. Он смелый, ничего не боится...

Все эти рассуждения могут показаться странными, но когда последний раз царь посылал слуг для ликвидации дуба, сломали пять топоров, а результат – нулевой. Дерево как стояло, так и стоит. И кабанов только прибывает. Поэтому на этот раз было решено не пускать дело на самотёк и присутствовать на процессе.

Один из слуг взялся за топор. Взмах... Удар...

– Ну, кто так бьёт? Дай сюда, бездельник...

Слуга охотно передал рубящий предмет и отошёл в сторону. Эрисихтон со знанием дела попробовал лезвие ногтем, покачал головой:

– А точить кто будет? Вы бы ещё палками стучали! Только

кабанов привлекаете! Вон сколько желудей добавилось. Дай другой топор! Да не этот. Этим будешь себе дрова колоть... Если сможешь... Боевой дай! Да-да, тот самый, которым я вам головы рублю, коли заслужите. Вот, другое дело! Поберегись...

Топор описал широкую дугу и смачно впился в дерево. Раздался тяжёлый вздох, похожий на стон, и от кроны отделилась тень. Как зачарованные, все смотрели на колебания воздуха, в которых угадывались очертания женской фигуры. Тень переместилась в сторону лесной чащи и скрылась за деревьями.

Эрисихтон проводил дриаду взглядом и выдернул топор: – Что дрожите, клоуны? Ничего не умеете!

Снова нанёс мощный удар... Ещё... Дерево загудело, застонало, заскребло ветками по воздуху... Раздался треск и ствол накренился... Со страшным грохотом рухнул на землю. Всё! Пусть кабаны ищут себе другое место! А то ишь, разбегались!

Когда Деметра узнала, что сотворил с жилищем её любимицы Эрисихтон, её возмущению не было предела. Мало того, что этот жлоб игнорирует жертвоприношения богам, он ещё и на нимфу поднял руку! Это ему даром не пройдёт!

После недолгих размышлений способ отомстить был найден. У богини плодородия была хорошая приятельница – бо-

гиня голода. Жили они душа в душу, подменяя друг друга на время отсутствия. Сейчас богиня голода пребывала в скифских степях. Там о Деметре и не слыхивали. Распахивать целину – дело хлопотное. Проще куда-нибудь переместиться. Местные жители так и делали: мигрировали с места на место. Но вечно так продолжаться не могло.

Деметра призвала подругу на помощь. Та с готовностью откликнулась. План мщения был следующий: раз Эрисихтон совсем страх потерял, пусть узнает, почём фунт лиха. Пусть его всюду преследует и постоянно гложет неутихающее чувство голода. Пусть ест всё подряд и пусть ему будет не в коня корм!

На том и порешили. И очень скоро стало ясно, какую зверскую кару они придумали. Только женщины на такое способны! Отныне Эрисихтон ел... ел... – и наестся не мог. Утром и вечером, до завтрака и после, перед обедом и по его окончании, до ужина и отправляясь в постель. Видели царя и жующим во сне. Но что характерно – не толстел! Организм всё переваривал.

Богиня голода, наблюдавшая за непрерывным и удручающе безрезультатным процессом насыщения, была несколько озадачена. Ей-то, чтобы держать себя в форме (что выжалось в очевидной малоупитанности, если не костлявости), приходилось во всём себе отказывать! А этот... Ест всё подряд – и хоть бы хны! Придётся ужесточить наказание.

Эрисихтон уже не раз пожалел, что связался с Деметрой.

Ему бы принести ей жертву и вымолить прощение. Но где там! Бык, приготовленный для богини, был съеден им самим, овцы – тоже. Нездоровый аппетит привёл к быстрому истощению запасов продовольствия. Началась распродажа имущества. Но и оно было не беспредельно. Царь начал приторговывать собственной дочерью. Не в смысле житейском, а в чисто коммерческом. Дочь обладала способностью превращаться в разного рода живых существ. Купит её кто-нибудь за немалые деньги, а она фьюить – и улетела, превратившись в птичку. И так много раз. Но с какого-то момента и это не спасало.

Эрисихтону ничего другого не оставалось, как приняться за самого себя. Как он это делал, мы описывать не станем. Чтобы не портить аппетит. Но напоследок скажем: не обижайте богинь, не рубите деревья и не гоните кабанов. Будет себе дороже...

Ян Стен. «Эрисихтон продает в рабство свою дочь». 1650—1660. Рийксмузеум, Амстердам.

Эак

Эгинский царь Эак был сама справедливость. Как так получилось? Наверно, боги об этом позаботились. Им ведь в бесчисленных тяжбах тоже нужен был кто-то, кто расставлял бы точки над *i*. Одного Зевса на всех не хватало, к тому же у него были любимчики. Родственные предпочтения ещё никто не отменял, а Зевс в плане созидания потомства не знал себе равных. Эак же был нейтрален. Ведь он даже богом не был, а только лишь сыном Зевса и дочери речного бога Асопа. Так что лучшего варианта третейского судьи, пожалуй, и не найти.

Но однажды у царя Эака возникли проблемы. Причина их ясна не вполне, но можно предположить, что каким-то из своих решений он задел интересы кого-то из правящей верхушки. А этого не рекомендуется делать нигде и никогда, ибо такое не проходит безнаказанным. Мало ли, что судья? Знай своё место и всё будет хорошо.

Богиня Гера по праву считалась одной из авторитетнейших олимпиек. Ещё бы! Жена Зевса не может быть малозначащей фигурой ни при каких раскладах. А принимая во внимание её должность – покровительница брака и семейных уз – можно с уверенностью сказать: тут не до шуток. Даже Зевсу приходилось несладко в спорах со своенравной супругой, имеющей доступ к громам и молниям наравне с ним.

Так что с этой дамой лучше не связываться.

Что там произошло, на какой почве случился конфликт – никто точно не скажет. Только возненавидела Гера Эака до такой степени, что наслала на его царство туман – густой, непробиваемый. Видимо, одно из судебных решений, вынесенное царём Эгины, показалось ей именно таким: неясным, неопределённым, полным двусмысленностей и разночтений, к тому же, страдающим как грамматическими, так и синтаксическими ошибками. И всё на почве редкостной предвзятости и однобокости. Так, во всяком случае, ей почудилось. Речь шла о разделе имущества одного из старожилів Олимпа, а это дело кляузное и скандальное. Эак не сориентировался вовремя и оплошал. Бывает...

Туман сделал своё гиблое дело, поспособствовав усиленному размножению всякого рода пресмыкающихся. И когда через несколько месяцев он рассеялся, поверхность острова кишела ядовитыми змеями, уничтожавшими всё живое.

И остались на острове лишь Эак и его сыновья. Грустно им стало. Гады же и до них доберутся! Вспомнил Эак о своём родстве, закричал:

– Зевс, слышишь ли ты меня? Если ты мой отец – сделай что-нибудь! Не жить же мне среди этих тварей? Я же третейский судья, мне по статусу положены хорошие условия! Иначе как я буду принимать решения? Меня же можно будет купить за понюшку табаку! И угомони, пожалуйста, мою мачеху. Если её что-то не устраивает – пусть скажет. Я учту.

Зачем же травить мой народ всякой дрянью?

Повисла многозначительная пауза, прерванная громом среди ясного неба и молнией. Видимо, Зевс прислушался, надо продолжать:

– Верни мне моих подданных! И пусть их будет... их будет...

Посмотрел по сторонам, поднял глаза к небу. Не за что зацепиться! Внезапно почувствовал, как кто-то кусает в щиколотку. Муравьи! Рыжие, пронырливые... То, что надо!

– Пусть их будет не меньше, чем муравьёв в муравейнике. И пусть они будут столь же трудолюбивые...

Грохнуло так, что в ушах зазвенело. Сверкнула ослепительная молния, земля содрогнулась, запахло жареным. Зевс принял сыновнюю просьбу и передал по инстанции. Осталось дожидаться результата.

На следующее утро Эак выглянул в окно и удивился: всюду копошились его новые подданные. Подчиняясь какому-то неведомому инстинкту, они сгребали и уносили мусор, изгоняли ядовитую живность, чистили реки и водоёмы и вообще – вели себя как трудолюбивые насекомые. Эак пригляделся и обнаружил в них определённое сходство с муравьями. Вышел на улицу.

Утренний ветерок холодил ноги. Однако, привычного покусывания в районе щиколоток не случилось. Вгляделся в землю под ногами. Муравьёв не было. Ни одного! Значит, все они превратились в людей? Но это же прекрасно! Отны-

не никого не нужно заставлять что-либо делать! Всё будет исполнено без понукания! Люди-муравьи, мирмидоняне... Спасибо, отец! Век тебя не забуду!

Эак широко улыбнулся и пошёл к своему народу. И не заметил, как из щели показалась крохотная головка чёрного цвета и такое же туловище. Ещё... И ещё...

Не все муравьи перевелись и это хорошо. Без них как-то скучновато.

Данаиды

Когда у вас пятьдесят сыновей, а у вашего брата пятьдесят дочерей и все они – подарок богов, то возникают некоторые трудности. Надо же как-то таким богатством распорядиться! Вот и у царя Даная, правившего в Ливии, случились проблемы. Ему, обладателю несметных сокровищ (а каждая дочь – это сокровище), понадобилось срочно принимать ответственное решение. Дело в том, что отпрыски его брата, Египта, все, как один, захотели жениться на его дочерях.

Казалось бы, что может быть лучше? Однако, не таков царь Данай, чтобы воспользоваться удачей, плывущей ему в руки. Это кто-то другой на его месте только бы и думал, куда сплавить бесчисленное потомство. Данай же руководствовался какими-то другими, неведомыми нам соображениями и ответил женихам категорическим отказом. Возможно, посчитал, что его дочери достойны лучшей пары, нежели представители соседнего царства. А может, вообще не хотел, чтобы они за кого-то выходили. Пусть живут на отцовском попечении. Ещё успеют...

Египт, в отличие от Даная, куда лучше понимал потребности своих сыновей и когда те объявили соседнему государству войну, лишь развёл руками. Данай и вправду выглядел странно. Пятьдесят юношей, пятьдесят красавцев – стройных, подтянутых, ловко управлявшихся с копьём и ме-

чом (предел мечтаний любой уважающей себя девушки!) – и останутся ни с чем? Наверно, у этого Данаея что-то с головой. В общем, армия Египта пересекла границу и нанесла противнику сокрушительное поражение. Данаей понял: всё кончено – и со всем своим немалым потомством поспешил на приготовленный для такого случая корабль... Отчалил от берега и пустился в плавание.

Главное своё богатство Данаею удалось спасти. Почему он так упёрся – непонятно. Возможно, из принципа. Как бы то ни было, кандидатуры египетских юношей были признаны неприемлемыми и отклонены. Что, конечно же, для тех было крайне обидно.

Египтяне бросились в погоню, но догнать не смогли. Данаей прибыл в Арголиду и со всем своим дружным коллективом покинул судно.

Однако, здесь их не ждали. Собственно, с какой стати? Если все, кому не лень, будут приставать к чужой территории – что будет? Нет, дорогие, так дела не делаются. Тем более, за вами гонятся. Шли бы вы обратно, на свой корабль, и плыли на все четыре стороны. Кончились запасы еды и питья и вообще – команда устала и не может продолжать путь? Мда-а-а-а...

Пеласг, местный царь, колебался. Нарушать законы гостеприимства ему не хотелось. Однако, и воевать с египтянами не улыбалось...

– А как ваши отношения с Зевсом? Он вам что, покро-

вительствует? Ну, тогда... Да не смотрите вы на меня такими умоляющими взглядами! Кстати, откуда вас столько! Вы все – сёстры? Ничего себе! А тот, что вас привёз – ваш отец? Да ну-у-у... А преследователей сколько? Тоже пятьдесят? С ума сойти!

Поколебавшись, Пеласг, к его чести, решил помочь непрошеным гостям. Однако, результат заступничества оказался плачевным: египтяне разгромили войско арголидского царя, а самому ему пришлось спасаться бегством. Вот и помогай после этого тем, кому покровительствуют боги.

На этот раз Данаю некуда было деваться и согласие на замужество дочерей было дано. Племянники восторжествовали, дядя же затаил на них злобу.

Со свадьбой решили не тянуть и сыграть одну на всех. Видимо, опасались со стороны взбалмошного родственника какого-нибудь подвоха. Быстренько сдвинули столы и устроили пир на весь мир.

Наконец-то каждый жених обрёл свою невесту. И как же любо-дорого на них было смотреть! Молодые, красивые... Совет да любовь!

Только вот Данай был другого мнения о происходящем. Его гордость была уязвлена, а ненависть перешла все границы. Они заплатят... За всё... Жизнями!

Уж не известно, как Данаю удалось уговорить (или заставить) своих дочерей взять по кинжалу и по окончании празднеств, под покровом ночи, каждой нанести смертель-

ный удар. Этакая массовая резня по наущению родителя. Только одна дочь пошла против воли отца и не стала убивать молодого мужа. Видно, успела полюбить. Остальные же послушаться не смогли... Или не захотели... Или им было всё равно.

Преступление свершилось. Данаю, кстати, за него ничего не было. И над дочерьми боги сжалились. Ну, право, что с них взять? Очистили девичьи души от скверны убийства, успокоили... Пусть порадуются жизни. Она ведь так коротка!

И тут вдруг выяснилось, что Данай-таки думал о будущем своих дочерей! Просто понимал его по-своему. И после всех передраг, заняв место сбежавшего Пеласга, устроил грандиозные спортивные игрища, в которых в качестве призов победителям были обещаны... его дочери. Неплохо, однако!

Будем справедливы: не так уж он был и неправ, когда не хотел выдавать дочерей за воинов. Спортсмены – другое дело! Нет более выгодной пары, нежели высокооплачиваемый метатель молота или дискбол, швыряющий снаряд с невероятной силой. Так что Данай заложил славную традицию, живую и по сей день.

Но всё когда-нибудь кончается. Вот и дочери Даная отошли в мир иной. И тут вдруг выяснилось: их преступление не забыто! Боги помнили о случившемся и решили убийц всё-таки покарать. Что, конечно же, вызывает недоумение. Божеской амнистии грош цена?

Впрочем, жизнь физическая – это одно, а духовная – совсем другое. И, видимо, в той, загробной жизни у людей, кроме душевных мук, ничего не остаётся. Потенциальным преступникам это следует учесть.

Жизнь в подземном царстве для подвергнутых наказанию дам превратилась в мучение. Бедняги были вынуждены только и делать, что носить воду из подземной реки и наполнять ею сосуд. Тот уже вроде полон... Ан нет – опять пустой. Он ведь без дна.

Одиссей

За стенкой раздался взрыв хохота и Телемах проснулся. Проклятье! Эти женихи совсем распоясались! Поселились у них в доме и делают, что хотят! Целыми днями пируют и веселятся – и всё за их с Пенелопею счёт. Как вообще такое возможно, чтобы обижали мать с сыном? Да, глава семьи, Одиссей, пропал без вести и уже 20 лет о нём ни слуху, ни духу. Но это же не повод требовать от его супруги, чтобы она вышла замуж за кого-нибудь из них. Вон их сколько, больше полутора человека. И каждый хочет занять место Одиссея, сделаться царём Итаки и править... править... править...

Однако, есть прямой наследник, Телемах, и он не давал согласие, чтобы его выгнали из родительского дома. Да и Пенелопа не рвётся замуж, ибо ждёт не дожждётся своего законного супруга. Все глаза выплакала, дожидаясь. Так что женихи неправы ни в своих требованиях, ни в своих ожиданиях. Вернётся Одиссей и им покажет!

Телемаху захотелось пойти и поотрывать этим бездельникам головы. Сколько можно? У них с матерью не бездонная бочка! Вещей почти не осталось – все распроданы для покрытия издержек от бесконечных пиров и увеселений соискателей руки царицы Итаки. Отец, где ты? Нас же грабят, а тебя всё нет и нет. Вернёшься, а в доме – пусто! Самому, что ли, отправиться на поиски сгинувшего в военном ли-

холетье главы семейства? Может, его спасти надо из какого-нибудь плена?

Но куда идти? К спартанскому царю Менелая? Это же он замутил воду с троянцами, похитившими его жену, прекрасную Елену. Сам вернулся, а остальные где?

Да, Менелай наверняка что-нибудь скажет. А по пути можно заскочить к Нестору в Пилос. Тот тоже под Троей сражался, бок о бок с Одиссеем, и может знать что-нибудь.

Опасаясь какой-нибудь пакости со стороны вконец обнаглевших женихов, Телемах тайно покинул Итаку. Боги благословили его на трудный и опасный путь, первым пунктом которого значился портовый город Пилос.

Нестор встретил юношу тепло и сразу заинтересовался, куда тот направляется.

– Я ищу своего отца, Одиссея. Где его можно найти?

– Мой мальчик, ты можешь гордиться своим отцом. Он – настоящий герой! Но о его судьбе мне ничего не известно. Знаю только, что он с товарищами на двенадцати кораблях после взятия Трои отплыл на родину. Что случилось дальше – не знает никто. Если только Менелай. Возьми в сопровождающие моего сына, Писистрата, и отправляйтесь с ним в Спарту. И да поможет вам Зевс!

Поездка в Спарту оказалась конструктивной. Выяснилось, что Одиссей уже лет восемь томится на острове нимфы Калипсо. Богиня не отпускает его. Скорей всего – из личной симпатии. Как к этому относится сам заключённый – неиз-

вестно. Впрочем, его чувства не имеют никакого значения. Богам такие вещи попросту неинтересны.

Узнав о судьбе отца, Телемах решил, что этого пока достаточно и засобирался в обратный путь. Менелай не стал его задерживать. Лишь одарил подарками. Не знал юноша, что его беспокойство не осталось незамеченным и боги, посоветовавшись, решили: пора Одиссею возвращаться в родные пенаты. Хватит уже нимфе Калипсо его удерживать.

Послали Гермеса и тот передал нимфе опечалившую её весть: отпустить пленника. А ей так хотелось сделать его бессмертным! Вон он, бедняжка, сидит на берегу, плачет, вспоминая жену. Но если боги так решили...

– Одиссей, возьми топор и сруби несколько деревьев для плота. Я тебя отпускаю. Преследовать не буду: ни бурю насыпать, ни ещё какое ненастье. В общем, считай – свободен...

У Одиссея даже слёзы высохли на глазах. Неужто дождался? А то ведь совсем пал духом. Надо всегда верить в успех, даже если никаких надежд уже не осталось.

Схватил топор и давай рубить! Только щепки полетели. Вскоре плот был готов. Одиссей толкнул его в воду и... Поминай, как звали!

Но до Итаки ему доплыть не удалось. Разыгралась буря, да ещё какая! Это Посейдон прознал, кто оказался в его руках, и решил покончить с опостылевшим ему героем раз и навсегда. И непременно добился бы своего, если б не богиня Левкотея, поддержавшая плотогона в самую трудную минуту –

когда тот уже был готов отправиться на дно. В общем, Одиссей не только не утонул, но и сумел добраться до острова феакийцев, известном нам как местожительство Навсикаи, дочери местного царя Алкиноя.

Борьба с морем отняла последние силы и Одиссей, почувствовав твёрдую почву под ногами, уснул. И пока он спал, боги позаботились о том, чтобы поблизости принялись гонять мяч Навсикая и её рабыни. И после одного удара мяч миновал всех и улетел в море. Все громко закричали, а кое-кто и засвистел. От этого шума Одиссей и проснулся.

Дальнейшее предугадать нетрудно. Да, выглядел герой не очень. Двадцать дней в бушующих волнах – это вам не шутка. Но Навсикая не только не испугалась, но и протянула руку помощи изнурённому пловцу. И не прогадала, потому что очень скоро Одиссей стал красив, как бог (о чём позаботилась Афина Паллада). И вот в таком, преображённом виде он и отправился во дворец царя Алкиноя.

Алкиной принял путешественника благожелательно. И очень скоро почувствовал: перед ним не простой потерпевший, а важная персона, почему-то желающая сохранить инкогнито. И до того ему захотелось выяснить, кто же перед ним на самом деле, что он пообещал доставить незнакомца, куда бы тот ни пожелал. При одном условии: тот скажет, кто его отец и мать. Ну, и если не в тягость, расскажет о своих приключениях...

Куда было деваться Одиссею? Он ведь так хотел добрать-

ся до Итаки! Пришлось открыться. Так Алкиной узнал, что перед ним – один из легендарных победителей Трои. Что же до приключений... Так ведь Одиссей не против. Благо, есть о чём вспомнить.

Всё началось с киконов, на землю которых Одиссей со товарищи наткнулись вскоре после отплытия от поверженной Трои. И первое, что сделали греки – перебили всех, кто им под руку подвернулся, разрушили город и взяли в плен тамошних женщин. Зачем – непонятно. По инерции, что ли...

Однако, оставшимся в живых киконам расправа над их соотечественниками не понравилась. Собрались они с силами и одолели незваных гостей. И так им всыпали, что те еле ноги унесли. И это было только начало долгого пути.

Следующим оказался остров лотофагов – людей, питавшихся лотосом. Но выяснилось это не сразу, а лишь после того, как из разведки вернулись трое бойцов и наотрез отказались плыть дальше. Просто аборигены угостили их своей пищей и она им дико понравилась. Пришлось связать всех троих и быстренько убираться вон. А то и другие захотели бы остаться.

Потом был остров циклопов: огромных одноглазых человекоподобных существ, занимающихся скотоводством. Что было естественно, ибо на острове паслось множество коз и прочей живности. Из козьего молока циклопы делали про-

стоквашу и сыр, овцы же и бараны приятно разнообразили пищу, попутно решая проблемы с одеждой.

Из-за своего любопытства путешественники чуть не погибли. Захотели разглядеть циклопов поближе, ради чего забрались в логово одного из них. Обитатель пещеры оказался на редкость свирепым и сразу по обнаружении убил двух спутников Одиссея, сварил их и съел.

Такое никому не понравится. Но что делать, если Полифем (так звали циклопа) привалил выход из пещеры гигантской скалой? Не из-за путешественников, а из-за овец, чтобы те не разбежались. Однако, теперь циклопа и убить было нельзя: здесь бы все и остались. Пришлось пойти на хитрость.

К счастью, в пещере обнаружилось бревно, которое осталось лишь заострить. Ну, а дальше...

Когда Полифем уснул, Одиссей с помощниками со всего маху вогнали заострённый кол в единственный глаз циклопа, лишив того зрения.

Полифем долго бесновался от боли и бессилия. Но зрение не вернётся. Придётся с этим жить. И утром он, как обычно, принялся выгонять скот на пастбище. Он был не только свиреп, но и крайне жаден, поэтому ежевечерне загонял стадо к себе домой. А утром выгонял...

Путешественникам это и было нужно: они вцепились в животных снизу и прижались к ним. Полифем понимал: пришельцы попытаются сбежать из пещеры – и на выходе

ощупывал своих четвероногих любимцев. Но только со спины. Не мог же он предположить, что двуглазые бездельники спрячутся между ног его подопечных!

Остров циклопов остался позади. Казалось, хуже уже ничего быть не может. Но это только казалось.

Рассказ прервался. Чувствовалось: Одиссей подошёл к едва ли не самой печальной странице своих приключений. Алкиной терпеливо ждал, когда рассказчик справится с волнением. Наконец, тот взял себя в руки:

– Гораздо ужасней циклопов оказались лестригоны – великаны вообще без понятий. Они поступили с нами так же, как мы с киконами: просто перебили всех, кто им под руку попался. Я бы тоже погиб, но мне удалось скрыться. Так остался всего лишь один экипаж...

Одиссей заплакал. Слезы покатались по обветренным скулам. Руки Алкиноя сжались в кулаки. Какие мерзавцы! Просто так, ни за что, ни про что перебить множество отличных воинов! Эти лестригоны заслуживают смерти!

Самое обидное заключалось в том, что незадолго до рокового острова греки побывали у царя Эола, в чьей власти были все ветра: от попутных до встречных, от сильных до слабых, от тёплых до студёных. Может, ещё и поэтому царь Эол только и делал, что пировал днями напролёт. Путешественники составили ему отличную компанию. И лишь через ме-

сяц Эол загнал все ветра, кроме одного (попутного), в меха, завязал крепкой бечёвкой и проводил полюбившийся ему коллектив на Итаку.

Подгоняемые попутным ветром, корабли домчались до пункта назначения. Вот уже вдали показались знакомые берега. И надо же было такому случиться: именно в этот момент Одиссею страшно захотелось спать. И он уснул. А команде не спалось. Всем хотелось развязать бечёвку и заглянуть внутрь. Что там? Не иначе, золото или, на худой конец, серебро. Не просто же так Одиссей помалкивал о содержимом мехов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.